

ДЖЕЙСОН ПИНТЕР

РЕЙЧЕЛ МАРИН — БЕЗУСЛОВНО, ОДНА
ИЗ САМЫХ ЗАВОРАЖИВАЮЩИХ НОВЫХ
ГЕРОИНЬ ОСТРОСЮЖЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

ПРЯЧЬСЯ

Джейсон Пинтер
Прячься
Серия «Мертвое озеро.
Бестселлер Amazon»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68317333

Прячься:

ISBN 978-5-04-175652-9

Аннотация

Семь лет назад мужа Оливии убил маньяк. Он бросил мешок с останками прямо на крыльце их дома, где его нашел шестилетний сын, получивший от такого зрелища глубокую психологическую травму. Жизнь изменилась навсегда. А убийца из-за халатности полиции скрылся. И явно не намерен оставлять их в покое.

Защищая сына и новорожденную дочь, Оливия вынуждена сменить личность и бежать вместе с детьми. А еще она учится эффективно противостоять любой угрозе. Отныне ни один вставший на ее пути преступник не останется безнаказанным. Сегодня она Рейчел Марин – жительница затерянного на Среднем Западе городка Эшби, подозрительная ко всему миру, кроме своих детей.

И когда в Эшби жестоко убивают женщину – бывшего мэра, Рейчел, поклявшаяся действовать там, где бездействуют копы,

берется за собственное расследование. Начинается смертельная игра, где она будет мишенью и убийцы, и местной полиции...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	33
Глава 4	50
Глава 5	59
Глава 6	69
Глава 7	74
Глава 8	86
Глава 9	93
Глава 10	99
Глава 11	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Джейсон Пинтер

Прячься

Jason Pinter

HIDE AWAY

Copyright © 2020 by Jason Pinter

© Филонов А.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2022

Дейне, Эйве и Лайле.

Моим девочкам,

моему миру,

моему всему

*У каждого человека три жизни: публичная,
личная и тайная.*

Габриэль Гарсиа Маркес

Глава 1

В тот вечер, когда ее семья была разодрана в клочья, женщина как ни в чем не бывало стояла у плиты, сквозь стекло присматривая, как запекается курица, и думая про себя, что на свете нет ничего страшнее подгоревшего жаркого.

Украдкой бросила взгляд на видеоняню на стойке. Увидела, что грудь шестимесячной дочери едва заметно вздымается и опадает, унимая тревогу матери, как целительный бальзам. Ее сын, теперь уже шестилетний, всегда ухитрялся выскользнуть из пеленок – она даже называла его «мой маленький Гудини»¹, – но дочь с самого рождения уютно и спокойно устраивалась в свертке мягкой ткани. Как сказал Брэд в день, когда они принесли ее домой: «Наше маленькое буррито»².

Сын после школы отправился играть к Закари Блумфилду, живущему за углом на Фокс-Хилл-Лейн. Пообещал вернуться домой к ужину в половине седьмого. А раз резиденция Блумфилдов всего в двух кварталах, она разрешила сыну вернуться в одиночку. Сейчас уже 18:38. Хотела было позвонить Мэллори, матери Закари, – узнать, как дела, но обе-

¹ Ироническая отсылка к наиболее известному трюку великого иллюзиониста Гарри Гудини: он освобождался, будучи закован в цепи.

² Буррито – блюдо мексиканской кухни: та или иная начинка «запеленута» в кукурузную лепешку-тортилью.

щала Брэду, что без повода тревожиться не станет.

Социальная жизнь их сына – настоящее беличье колесо: что ни день, то детский праздник, день рождения или тренировка мальчишеской лиги по соккеру. Поспевать за ним, одновременно поддерживая в доме относительную чистоту и ухаживая за младенцем, – дело изнурительное, но ей приятно, что он такой активный, такой компанейский. Половина его одноклассников понемногу сводят чудесные деньки на нет в одиночестве, позволяя им истлевать в сиянии айпадов. В глубине души она радовалась, что сын задерживается. Конечно, ему этого говорить нельзя.

Кроме того, жаркое должно запекаться еще минут десять. Салат уже готов и ждет заправки восхитительным итальянским соусом собственного приготовления. Израильский кусок стоит на подогреве. Брэд работает по восемьдесят часов в неделю, но поклялся хотя бы иногда ужинать дома с семьей. И как раз сегодня семейный вечер.

Большинство вечеров она ужинает с глазу на глаз с сыном, тоскливо поглядывая на пустой стул Брэда и на малютку в качалке рядом с ним. Сын забалтывает ее до умопомрачения – жует и говорит. Жует и говорит. Не упустит ни одной мелочи, какой бы ничтожной та ни казалась. Потчует мать рассказами о скверной еде в столовке, с какими друзьями решил сесть и почему и на чьем дне рождения был лучший (и худший) торт. А она сидит и зачарованно слушает с блаженной улыбкой на лице.

Едва очистив тарелку, сын вылетает из-за стола, будто горящая шутиха. Она никогда его не останавливает, лишь молча уповает, что он задержится хотя бы еще чуточку, дорожа ее компанией. С любящим мужем, работающим день и ночь, чтобы обеспечить семью, и двумя замечательными здоровыми детьми грех даже думать так, но... не одинока ли она?

Большинство вечеров Брэд приходит домой выжатый как лимон, сбрасывает вещи грудой на пол спальни и валится в кровать. Трехминутный отчет на тему «Как прошел день», целомудренный поцелуйчик в губы – и вдруг уже настало утро. Близости у них не было с рождения дочери. Она отчаянно ждет, чтобы он сделал первый ход, жаждет, чтобы он бережно сунул руку ей под майку. Ей недостает его прикосновений, ощущения его веса на себе, покалывания лица его щетиной. Она знает, что Брэд ради них изо дня в день выкладывается с утра до ночи. Они с трудом сводят концы с концами с той поры, как сошлись. Брэд приносит домой 80 тысяч долларов в год – едва хватает на выплату закладной и содержание семьи из четырех человек. Дом с тремя спальнями и двумя ванными должен был послужить лишь временным пристанищем, но средств совсем в обрез, и переехать отсюда в ближайшее время не светит.

Брэд вкалывает изо всех сил и нуждается в отдыхе. Но ее по-прежнему обуревают желание. И не только физической близости. Не так давно она от имени всего класса произносила речь на выпуске, была капитаном команд по хоккею на

траве и плаванию и окончила колледж со средним баллом 3,9. Колебалась между медицинским и юридическим, зная, что способна преуспеть и там, и там. Ее острый ум и трудолюбие не знали себе равных. Мир готов был покориться ей, если только она захочет. И она хотела.

Когда забеременела вскоре после диплома, это стало сюрпризом, но вовсе не скверным. Она отодвинула свои амбиции на заднюю конфорку в чайнике, что они останутся теплыми. Но семь лет спустя карьерные притязания остыли, как и супружеское ложе. И неожиданно-негаданно она вдруг стала тридцатилетней домохозяйкой. Чувствует себя слишком старой, чтобы возвращаться к учебе, но при мысли, что растрчивает остатки молодости на отслеживание готовности жаркого, так и хочется сигануть с моста.

В складской ячейке у нее по-прежнему пылятся ящик на ящике справочной литературы, погребенные под старыми школьными альбомами и джинсами, в которые уже не втиснуться никогда. Медицина. Право. История. В такие вот вечера, как сегодня, стоя в одиночестве перед плитой, она слышит их зов. Книги – точильные камни, а ее интеллект – затупившийся стальной клинок. Сын уже в школе, а дочь скоро подрастет достаточно, чтобы пойти в ясли. Пожалуй, настало время оживить чувства.

А тем временем нужно раздуть огонь в отношениях с Брэдом. В субботу сын отправится на празднование дня рождения чуть дальше по улице, а пробудить дочь от послеобе-

денного сна можно разве что ядерным взрывом. Она затащит мужа в постель – если потребуется, то пинками и воплями. Приговор: покончить с воздержанием. Без права на обжалование.

Вот и жаркое поспело.

Вытащив блюдо из духовки и сняв фольгу, она оставила его выстаиваться. Выудила светлый волос из булькающего сыра, упрекая себя за невнимательность. Посмотрела на часы. 18:51. От мужа и сына ни слуху ни духу. Ее начало охватывать раздражение. И легкая тревога.

Стол накрыт. Можно подавать. Позвонила Брэду на сотовый. И сразу же автоответчик. Странно. Брэд никогда не выключает телефон.

Совершила круг по столовой, поправила приборы, разгладила салфетки. И уже начала было набирать номер Блумфилдов, когда послышался звук открывшейся двери.

– Мам! – крикнул сын с улицы. – Можешь сюда подойти? – В голосе сквозила озабоченность. И что-то еще... дрожь страха, от которой у нее пробежали мурашки вдоль хребта.

– Зайка! Все хорошо? – откликнулась она, списав свои страхи на банальные материнские тревоги. С ним все в порядке. Все в порядке. – Я на кухне. Ступай умойся перед ужином. Отец скоро придет.

– Кто-то что-то оставил на крыльце, – дрожащим голосом сообщил он. – Что-то в мешке. Мам, иди сюда.

Что-то в мешке? В последнее время она ничего не заказывала.

вала онлайн – и уж тем более такого, что доставляют в мешках.

– Это из химчистки?

– Нет, не такой мешок. Там... там что-то мокрое! – крикнул он. – Красное.

«Красное?!»

– Подожди, солнышко! Я иду!

Чувствуя, как колотится сердце в груди, она бросилась к сыну. Передняя дверь нараспашку. Опустившись на колени на верхней ступеньке, он развязывал большой коричневый холщовый мешок.

– Зайка, стой! – вскрикнула она. – Неизвестно, что...

И тут увидела то же, что и он – алое пятно. Даже не пятно, скорее, потек. Что-то впитывалось в ткань *изнутри*.

– Детка, не надо...

Но он уже закончил развязывать мешок. У нее на глазах растянул завязки и открыл горловину.

Выражение лица сына при виде содержимого мешка впечаталось ей в память навечно, как каленым железом.

Глаза его широко – куда шире, чем кажется возможным, – распахнулись, губы задрожали, а рот оформился в трагическое «о». Сначала без единого звука. Но затем крик прорвался из глубин – жуткий, отчаянный вой, от которого у нее поджилки затряслись.

Он опрокинулся на крыльцо навзничь, захлебываясь криком. Подхватив сына в объятия, она крепко обняла его, при-

жав лицо к груди, так что ее толстый кардиган заглушил крик. Он трясся всем телом, разинув рот настолько широко, что его зубы вдавились в кожу ее предплечья. Она попыталась отстранить сына, испугавшись, что тот может задохнуться, но он, впившись скрюченными пальцами ей в спину, продолжал выть, пока она гладила его волосы. А потом опустила глаза к открытому мешку.

И тоже взвыла.

Глава 2

СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Цокая каблуками по темным обледеневшим булыжникам мостовой, Рейчел Марин спешила домой, кутаясь от пронизывающего декабрьского ветра. Послеобеденная няня Айрис уже дважды грозилась уволиться, если Рейчел не начнет приходить домой вовремя. Она должна быть дома к семи вечера. А уже 19:42.

Нитки, удерживающие две верхние пуговицы пальто, разболтались, и холодный ветер пробирался внутрь, промораживая до костей. Конечно, пришить болтающуюся пуговицу Рейчел вполне по силам, но улучшить целых десять минут, отвлекшись от детей и работы, – все равно что выжать из кирпича шоколадное молоко.

С тех пор как на город Эшби, штат Иллинойс, обрушилась суровая зима, свободные такси ушли в небытие, общественный транспорт набит выше крыши, а ближайший «Убер» в двадцати минутах отсюда. Нехватка транспорта напомнила Рейчел, почему многие называют Эшби «бюджетным Чикаго». В города вроде Эшби перебираются те, кому столичная жизнь не по карману, кто довольствуется изобилием торгово-развлекательных центров и отсутствием культурной жизни – одним (запущенным) кинотеатром, местной театральной труппой и огромным числом бургерных на душу насе-

ления. Но культура тут ни при чем. Впрочем, и финансовые трудности тоже. Этот непритязательный городок позволил Рейчел с детьми начать жизнь заново. А главное было именно начать с чистого, незапятнанного листа.

Вот так Рейчел и угораздило нестись во всю прыть по запорошенному снегом тротуару под темнеющими небесами, отчаянно размахивая сумочкой туда-сюда в ходе слалом-а между прохожими, стараясь не угодить каблуком в трещину мостовой и не сшибить бедолаг, будто кегли в пухлых одеяниях. Осталось всего пять кварталов, это уже финишная прямая. Рейчел попросит у Айрис прощения и, может быть – может быть, – поспеет домой как раз вовремя, чтобы почитать дочке на сон грядущий.

Она заметила мужчину, перекрывшего дорогу, когда было уже слишком поздно.

Он встал перед ней – крупный, крепкий, с веснушчатой лысиной и румяными щеками, так что Рейчел попросту с наскоку отлетела от него, как теннисный мячик от бетонной стены. Плюхнулась, болезненно приземлившись на копчик; таз прошила молния боли. Женщина ощутила, как слякоть сочится в брюки.

Наклонившись, мужик сграбастал ее за локоть и, вложив в бросок все свои две с половиной сотни фунтов, швырнул ее в переулок. Жестко приземлившись на четвереньки, Рейчел схватилась за сумочку. Вцепившись Рейчел в запястье, тот немного подержал, словно говоря: «Не стоит», и швыр-

нул ее о кирпичную стену. Ее спина, ладони и колени были покрыты слякотью и снегом. Амбал навалился на нее всем весом, прижав предплечье к шее. Дыхание его смердело луком и пивом.

– Я могу раздавить твоё горло, как пакетик кетчупа, – прошептал он ей на ухо, щетиной ободрав ей щеку. – Только пикни, и я буду давить, пока оно не лопнет.

Ослабил давление ровно настолько, чтобы дать ей передохнуть, но продолжал давить, давая понять, что может и передумать. Свободной рукой стащил ремешок ее сумочки с плеча, нажал на латунную застежку и извлек бумажник. Потом перевернул сумочку кверху дном и тряс, пока все имущество Рейчел не вывалилось в грязь.

В грязь полетели помада, тампоны, зеркальце, расческа, шоколадный батончик, пачка жевательной резинки без сахара и косметический набор. Бросив сумочку в слякоть, бугай расстегнул бумажник и улыбнулся при виде угнездившейся там толстой стопки двадцаток.

– Это плата моей няне, – подала голос Рейчел.

– Была няне, стала мне. – Тот сунул купюры в карман своей темно-зеленой куртки-бомбер.

– Пожалуйста, не надо.

– Считай себя везучей, раз я только беру деньги. – Он надавил предплечьем ей на горло чуть жестче. Рейчел едва трепыхалась под его массой.

– Пожалуйста, – еле выдавила она, – я только хочу вер-

нуться домой к детям. Уходите сейчас же, и мы сможем забыть о случившемся.

Грабитель уставился на нее. Она заметила, как взгляд его чуть заметно дрогнул, словно он задумался над просьбой. Потом посмотрел вдоль переулка. Ни души. И темень. Рейчел ощутила, как что-то трется о ее ногу, и тут же сообразила, что должно вот-вот случиться.

– Было бы жаль заканчивать вечер слишком рано. – Он потащил ее дальше в переулок. – Только крикни, и я вскрою тебя там, где у тебя еще ни дырочки.

– Сэр, – произнесла она, прочно упершись ногами в землю, – прошу вас не делать этого. Вы пожалеете.

– Я пожалею?! – Он от души хохотнул. – Проси, сколько хочешь, так даже веселее.

– Пожалуйста. Не вынуждайте меня делать это.

Он застыл. Оглянувшись с заинтересованным видом, по-прежнему удерживая ее за запястье.

– Не вынуждать тебя делать что?

Рейчел вздохнула. Не успел амбал и дух перевести, как она вскинула предплечье кверху, так что тыльная сторона ее ладони оказалась перед носом, вынудив его выпрямить руку сгибом кверху, чтобы не разжать хватку. И тут же Рейчел выбросила вверх свободную руку прямо ему под локоть, перегибая сустав и разрывая лучевую и боковую связки локтя. Он взвыл от боли, схватившись за пострадавшую руку, и отпустил Рейчел.

Она тут же превратила ладонь в клинок, всадив пальцы ему в горло. Бугай засипел, выпучив глаза, и рухнул на колени, со всхлипами хватая воздух ртом. По щекам его заструились слезы. А когда, покачиваясь, он снова поднялся на ноги, Рейчел воспользовалась его же инерцией, чтобы долбануть мужика лбом о кирпичную стену. Он повалился на землю. После этого Рейчел вдавила острие каблука в мягкую ложбинку на его лодыжке, где сходятся большая берцовая и таранная кости.

– Если надавлю посильнее, – сообщила Рейчел, – то расщеплю лодыжку надвое. Закричишь – и я раздавлю ее, как пакетик кетчупа.

– Чего тебе надо? – выдавил грабитель между стонами.

– Чего мне надо? Гм-м. Так... чего же мне надо... – саркастически произнесла Рейчел. – Ну, мне надо *было* поспеть домой вовремя, чтобы почитать дочурке сказку перед сном, но ты погубил эту возможность, так что спасибо.

Рейчел опустилась на колени, продолжая давить на лодыжку бугая, и сунула руку в карман его куртки. Забрала свои деньги. В одном из карманов обнаружила его бумажник. В другом – небольшой складной нож. Открыла лезвие.

Осмотрела клинок. Старый, тупой. Несерьезное оружие несерьезного человека.

Прижала острие ножа к пояснице гада, чуть выше таза. Он оцепенел.

– Умоляю, – проронил негромко.

– Этот участок спинного мозга известен как конский хвост, – сказала Рейчел. – Группа нервных окончаний, управляющих всем – от моторных функций и функционирования органов до нижних конечностей. Суть в том, что я могу сделать тебя парализованным, ты и чихнуть не успеешь. – Она вдавила острие сильнее. Сопли, кровь и слезы, смешиваясь, потекли по его лицу и закапали в грязь.

Рейчел методично нашарила на земле и уложила обратно в сумочку все разбросанные вещи. Открыв на мобильном телефоне приложение камеры, сделала несколько снимков латунной застёжки. Потом, открыв его бумажник, извлекла водительские права.

– Реджинальд Бартек, – зачитала вслух, – Сикамор-Лейн, 115, в Северном Эшби.

И озадаченно изучила права Бартека.

– Ух ты, да ты живешь в шикарном районе, Реджи. В этой части города с двумя спальнями и двумя ванными дом за просто потянет на полтора миллиона, – потянула воздух носом. – А этот твой одеколон «Том Форд» идет по сотне баксов флакон. Мои деньги тебе нужны, как мне подводная лодка.

Поводила кончиками пальцев по бумажнику Бартека.

– Вот тут выведенность, – погладила кожу, – там, где ты обычно держишь презерватив. Но сейчас его там нет. Откуда следует, что ты его вынул, чтобы жена не нашла. Или использовал, а положить новый забыл. Значит, женат. Курт-

ка на тебе старая, но почти не выцветшая. Думаю, люксовое средство для стирки. И, готова поспорить, в хорошем состоянии ее поддерживает как раз твоя жена. Ты как-то не производишь впечатления человека, считающего, что чистота – залог здоровья. – Рейчел помолчала. – И у тебя есть дочь.

– А это ты откуда, на хрен, знаешь? – встрепенулся Бартек. Угроза в его голосе сменилась тревогой.

– У тебя следы розового лака для ногтей на правом безымянном пальце. Почти весь лак ты отчистил, но пятнышко пропустил. Ты позволил своей маленькой дочке накрасить тебе ногти вчера вечером.

– У меня нет доч...

– Нет, есть. Ты пытался отскрести лак перед работой вместо того, чтобы воспользоваться средством для снятия, потому и остались чешуйки. Ты был неаккуратен. – Рейчел вдавила острие ножа в спину Бартека еще сильнее. – Неаккуратен. Подумать только!

– Ты свое доказала, теперь оставь меня в покое, – процедил совершенно оцепеневший Бартек. Стоит ему дернуться или хотя бы вздрогнуть, и нож может нечаянно пронзить кожу.

– Оставлю, – заверила Рейчел. – Но просто так бросить тебя не могу. Мои деньги тебе были не нужны. Ты не в отчаянном положении и не голоден. Откуда следует, что ты либо социопат, либо любитель острых ощущений. Тепло?

– Мне нечего тебе сказать.

Бартек начал извиваться. Рейчел вдавила колено ему в заднюю сторону бицепса бедра. Жестко. Он прекратил дергаться.

– Сегодня тебе не повезло, потому что ты выбрал меня. Но ты вернешься завтра. Найдешь кого-нибудь другого. Типы вроде тебя слишком глупы, чтобы завязать. Знаешь, я могла бы привлечь копов, чтобы усадить твою грязную задницу на нары.

– Так что ж не привлекаешь?

– Помимо факта, что я им не очень-то доверяю – богатые мудаки вроде тебя всегда выкручиваются, – кое-кто однажды поведал, что мне доведется сталкиваться с подобным выбором, – сообщила Рейчел. – И что спать я буду крепче, зная, что сделала выбор, кладущий конец происшествиям вроде этого с людьми, которые не могут постоять за себя. И это правда.

Здрав левую штанину Бартека, Рейчел резким движением чиркнула лезвием складного ножа по задней стороне его лодыжки, частично разрезав его ахиллесово сухожилие.

Заорав, Бартек забился на земле, как рыба на дне лодки. Бережно придерживая травмированную руку и изувеченную ногу, свернулся в хныкающий, истекающий кровью калачик. Вытерев нож салфеткой, Рейчел швырнула его в решетку водостока, достала из сумочки шариковую ручку и написала четыре слова на обороте прав Бартека.

– Я забираю твои права. И хочу, чтобы ты видел, что я

на них написала. – Рейчел поднесла права к лицу Бартека, чтобы он мог прочесть написанное.

Он затряс головой и попытался отползти.

– Я могу порезать тебе вторую ногу. Читай. Вслух.

Подняв голову, Бартек посмотрел на права и выдавил:

– «Попытка ограбления. Попытка изнасилования».

– Хорошо. – Она сунула права в сумочку. – Я буду хранить их в безопасном месте. А еще ты сделал мне одолжение, оставив идеальный отпечаток большого пальца на моей сумочке, и я его сфотографировала. Так что, если со мной что-нибудь случится, если я хоть когда-нибудь увижу тебя снова, права и фотографию отпечатка найдут. А теперь задайся вопросом, Реджи: достаточно ли ты сообразителен, чтобы дать логичное объяснение, почему твои права у меня, а отпечатки твоих пальцев по всей моей сумочке?

– Это ты напала на меня! – взвыл Бартек.

– Погляди на меня и погляди на себя, дубина. Ты вешишь вдвое против моего. Первый ход сделал ты. Не забывай. Все висит на тебе.

Бартек промолчал.

– Ты поправишься, но таким проворным уже не будешь. И только подумай, что может сделать с тобой следующая или следующий, – бросила она, поворачиваясь. – И будь ты проклят за то, что я опоздала к няне.

Вытаскивая из сумочки ключи, Рейчел заметила на рукаве пальто мазок крови Реджинальда Бартека. Прислонив запястный участок к груди, медленно открыла входную дверь, высматривая Айрис и детей. Убедившись, что в прихожей ни души, торопливо открыла дверь шкафа и повесила пальто на плечики. Оно тут же упало на пол. Повесила снова, грязным рукавом внутрь. Нужно отдать его в профессиональную чистку – кровь вывести не так-то просто. Затем Рейчел сделала глубокий вдох, чтобы уgomонить нервы, и пошла искать семью.

Айрис сидела в гостиной на диване с остатками жасминового чая в чашке рядом с романом Джоди Пиколт³. Айрис уже под шестьдесят, но она еще достаточно проворна, чтобы гоняться за детьми вчетверо ее моложе. Одета в темно-зеленые брюки и толстый красный шерстяной свитер, один вид которого вызывал у Рейчел желание чесаться. Взгляд карих глаз Айрис из милого превращается в серьезный за долю секунды. Придя домой, Рейчел застала его серьезным.

– Айрис, я *более чем* сожалею, – сказала Рейчел. – Задержалась на работе. Стив плюхнул груду работы на мой стол

³ Джоди Линн Пиколт (в отечественной издательской традиции; правильно Пиколт; р. 1966) – американская писательница, автор бестселлеров в жанре сентиментальной прозы.

перед самым моим уходом, и ее надо было сделать до выходных.

Айрис посмотрела на Рейчел со смесью раздражения и досады. Поставила чашку в посудомойку, сунула книжку в бумажной обложке в свою сумочку и направилась к двери, не отозвавшись ни словом.

– Меган спит. Эрик делает уроки, – вымолвила наконец.

– Спасибо, Айрис.

– Вы опоздали в прошлый вторник. И в среду до того. И в предыдущую пятницу. По правде говоря, вы то и дело опаздываете.

– Могу лишь извиниться и обещать стараться усерднее.

– У меня тоже есть семья, – сказала Айрис. – Мой муж по пятницам готовит вечером лазанью, а потом мы смотрим киноклассику по телевизору. Но пока я доберусь домой, ужин уже остынет, а фильм почти закончится.

– Мне очень жаль. Похоже, испорчен чудесный вечер. – Рейчел ощутила укол одиночества, разлившийся в груди болью.

– Другие семьи то и дело интересуются, освободилась ли я, – выложила Айрис. – Рекомендации у меня безупречные. Я остаюсь с вами, потому что равнодушна к этим детям и могу представить, насколько трудно быть матерью-одиночкой. Но раз я не могу попасть домой к *своей* семье, когда меня ждут, мне нужно найти другую работу. Надеюсь, вы не станете препятствовать.

– Я ценю ваше время. Мне ужасно стыдно. Дети вас любят. Клянусь, я все налажу.

– Уж будьте так любезны, миз⁴ Марин, – проговорила Айрис. – Я давала вам массу шансов. Больше не дам. – Натянув пару черных резиновых сапог, Айрис застегнула серое поярковое пальто – все пуговицы аккуратно пришиты – и удалилась. Перед захлопнувшейся дверью в воздухе повисло морозное облачко.

Рейчел простояла у порога добрую минуту, собираясь с мыслями. Адреналин после стычки с Бартеком до сих пор бурлил в жилах. Сняла туфли, стянула волосы в конский хвостик и пошла наверх. Постучав в дверь Эрика, услышала приглушенное и чуть раздраженное: «Чего?»

Сочтя это приглашением, открыла дверь. Сын сгорбился за своим столом над открытым учебником. Все стены увешаны плакетками, похвальными грамотами и дипломами. Математические олимпиады. Победитель конкурсов по орфографии. Младшая команда по диспутам⁵. Но никаких кинопостеров, фотографий любимых спортсменов и фоток друзей. Нехватка в комнате сына радости и юности терзает Рейчел каждый раз, стоит лишь порог переступить. Однажды, целый век назад, она едва могла уследить за его процветаю-

⁴ Миз – нейтральное обращение к женщине, не подчеркивающее возраст и семейное положение.

⁵ Общественно-политические диспуты между командами учащихся различных заведений являются традиционным видом образовательных состязаний в США.

щей общественной жизнью. Детские праздники, дни рождения и море улыбок. В том, что он книжный червь, ничего страшного... но ей до боли хотелось, чтобы он кидал бейсбольный мяч, гонял на велике по городу – словом, выказал, что у него есть хоть какая-то жизнь, помимо образования. Она жаждала, чтобы он снова стал ребенком. Но правда в том, что тот кошмарный вечер преобразил его навсегда. Он ринулся в учебу с рвением, которому большинство родителей безмерно радовались бы. Но Рейчел понимала, что это лишь затем, чтобы отгонять кошмары, оградиться от жестокости внешнего мира.

Обхватив сына руками, Рейчел чмокнула его в макушку, увенчанную копной русых волос. Он вывернулся из объятий, даже не обернувшись. Эрику уже тринадцать, и его некогда пухлые щеки подрастеряли детский жирок. Он начал вытягиваться, стал голенастым. Через пару лет будет выше матери, а потом в мгновение ока из «славного паренька» превратится в «красавчика». У него отцовские голубые глаза с искорками – цвета Средиземного моря. При виде их сердце кровью обливается.

– Я учусь, – буркнул Эрик. И повернулся на стуле. – А чего это у тебя все штаны перепачканы?

Рейчел опустила взгляд. Она до сих пор в грязи из переулка.

– Упала. Твоя мама недотепа. – На это он приподнял брови, словно говоря «ага, как же». – Так над чем же мы тру-

димся?

– История, – бросил Эрик, поворачиваясь обратно.

– Что-то конкретное?

– Проверочная во вторник. Надо запомнить все штаты и их столицы.

– Успеешь?

Эрик пожал плечами.

– Вайоминг, – вбросила Рейчел.

– Шайенн, – парировал Эрик.

– Делавэр.

– Довер.

– Невада.

– Карсон-Сити.

– Пуэрто-Рико.

– Пуэрто-Рико – территория, – пренебрежительно фыркнул Эрик, – а вовсе не штат. Но раз уж ты спрашиваешь, то Сан-Хуан. Хорошая попытка, мам.

– И когда это ты стал такой умный? – улынулась Рейчел.

– Всегда таким был.

– Да, это правда. Как твоя сестренка? – говорить с его затылком было ей не по душе.

– Достала.

– Ей семь лет. Насколько надоедливой она может быть?

– Она сказала, что обстрижет мне волосы и сварит их на ужин, как спагетти. А потом нашла ножницы, и Айрис пришлось их у нее отбирать.

– Айрис разрешила ей взять ножницы?

– Меган куда проворнее нее, – буркнул Эрик.

– И не говори, – рассмеялась Рейчел.

Протянула руку, чтобы взъерошить ему волосы, но остановилась на полпути. Вспомнила день, когда он пришел на свет. Пугающе рано, на тридцать третьей неделе. Крохотный, самую чуточку больше четырех фунтов. Провел в младенческой реанимации пять недель – пять самых долгих недель в жизни Рейчел. Но когда его принесли домой, начал расти. Боже, как же он рос! Рейчел подавила желание обнять этого молодого человека и стиснуть изо всех сил. После всего, через что он прошел, ей хотелось только защитить его, дать понять, что его любят.

– Тебе здесь нравится? В Эшби, – уточнила Рейчел.

– Нормуль, – снова пожал плечами Эрик, снова поворачиваясь. – Думаешь, мы останемся?

В голосе его прозвучала надежда, надрывая Рейчел сердце.

– Надеюсь, солнышко. Надеюсь. Пойду посмотрю, как там твоя сестренка, – помолчала. – Вермонт.

Эрик на секунду задумался.

– Монтпилиер. А теперь дай мне позаниматься.

– Хорошо, сынок.

– Слышь, мам!

– Да, зайка?

– Не забудь проверить.

Рейчел вздохнула. Каждый вечер за последние почти семь лет Эрик просил ее проверить переднее крыльцо.

– Проверю, – с тяжелым сердцем выговорила Рейчел.

Кивнув, Эрик снова уткнулся в компьютер.

Пройдя по коридору, Рейчел осторожно приоткрыла дверь в комнату Меган. Девочка распостерлась на тахте – крохотный ангел, укутанный простынями с изображениями Макса и Руби⁶. Ночник в форме морской раковины рядом с постелью проливает мягкое сияние. Одета Меган в свою любимую пижамку с Чудо-женщиной, длинные светло-русые волосы рассыпаны по подушке.

Наклонившись, Рейчел ласково поцеловала теплую щеку дочери, чуть шевельнувшейся под одеялом. По полу разбросаны листки – рисунки и слова, в темноте толком не разберешь. Рейчел разглядела страничку с надписью «Детективный роман Меган Марин», и сердце ее переполнилось нежностью. Надо завтра спросить у дочери об этой книге. На цыпочках удалившись из комнаты Меган, Рейчел закрыла дверь.

Пройдя в свою спальню, сбросила одежду и аккуратно повесила в гардероб. Поглядела на себя в зеркало. Она уже привыкла и к каштановым волосам, хоть это и не натуральный ее цвет, и к морщинкам у глаз – как раз вполне натуральным. Ей уже тридцать семь, на руках двое детей и полный рабо-

⁶ «Макс и Руби» – канадский мультсериал о кроликах по мотивам книг Розмари Уэллс, транслирующийся с 2002 года.

чий день, так что поддержание тела и рассудка в надлежащей форме требует постоянных усилий.

И это *необходимо*.

Оба ребенка появились на свет с помощью кесарева сечения, и этим шрамом Рейчел горда. Руки у нее жилистые и сильные, сквозь кожу плеч и предплечий видны голубые вены. Такое далось ей тяжким трудом. Если бы Реджинальд Бартек видел, что Рейчел вытворяет со своим телом каждую ночь, когда дети отойдут ко сну, то дважды подумал бы, прежде чем избрать ее мишенью.

Сняв майку, Рейчел провела пальцем по широкому рубцу длиной в пару дюймов чуть ниже грудной клетки, напоминающему опухший мизинец. Сестре в отделении неотложной помощи Рейчел сказала, что ее пырнул подросток, проходивший посвящение в банду, потому что под руку подвернулась. И солгала. Даже написала заявление в полицию.

Самое чудовищное, что не нашли ни единого подозреваемого.

Из-за этого шрама Рейчел приходится надевать только слитные купальники при посещении с детьми общественного бассейна. Дети шрама ни разу не видели, и она бы предпочла, чтобы так оно и оставалось. Если увидят, придется снова лгать, а Эрик – детектор лжи, какого еще поискать.

Лишь раз, один-единственный раз шрам видел мужчина. Роман с местным акушером как-то перерос в нечто большее. Впервые оказавшись с ним в постели, она была чересчур за-

хвачена моментом, чтобы скрыть шрам, и даже не представляла, сколько времени не чувствовала мужского прикосновения. Годы. А он, стащив с нее майку, охнул:

– Тебя что, медведь терзал?

Рейчел сказала, что в юности у нее удалили желчный пузырь. Он то ли принял объяснение, то ли ему было по барабану, и они продолжили. Но легкость и комфорт, с какими выскочили враки, потрясли Рейчел. И до конца отношений во время секса она отказывалась снимать футболку или майку. И когда шашни закончились, отчасти ощутила облегчение.

Рейчел надела синие треники и удобную старую флиску. Потом достала из бумажника права Реджинальда Бартека. Внимательно рассмотрела. Фотография хорошая. На фото он улыбается. Свежевыбритый. С добрым взглядом. С виду приличный человек. Семьянин.

«Порой за добрейшим взглядом таится чернейшая душа».

Некогда эти слова сказал Рейчел адвокат, когда она сидела в зале суда, глядя через проход на другого мужчину, тоже с добрым взглядом.

Перевернув права, Рейчел прочла написанные слова.

«Попытка ограбления. Попытка изнасилования».

Открыв гардероб, отодвинула плечики с блузками и жакетами, чтобы подобраться к висящему на стене большому черному сейфу. Ввела код и открыла металлическую дверцу. Внутри лежали ее драгоценности, паспорт, обручальное

кольцо, венчальное кольцо, свидетельства рождения детей (настоящие и поддельные) и заряженный дробовик «Моссберг-500» с четырьмя коробками картечи.

Бриллиант на обручальном кольце размером с вишневую косточку оправлен в монетное серебро. Стоит не больше полутора тысяч долларов, но, когда оно было на пальце, Рейчел чувствовала себя богатейшей женщиной на планете. Снимала его только на тренировках и в душе. Но теперь, открывая сейф, сожалела о каждой секунде, когда оставляла палец голым.

Взяв коричневую картонную коробку, крепко стянутую резинками, открыла ее. Внутри полдюжины водительских прав, паспортов и различных удостоверений личности государственного образца. Некоторые права настолько старые, что срок их действия давно истек. На одной из карточек красновато-бурый мазок, закрывающий половину ухмыляющегося мужского лица.

На дне коробочки лежал пластиковый пакетик с единственным ювелирным изделием. Браслет. Чужой. Посмотрев на него долгое мгновение, Рейчел положила права Реджинальда Бартека в коробку, закрыла крышку и снова натянула резинки.

– Мамочка!

Меган проснулась и зовет ее.

– Секундочку, солнышко! – крикнула Рейчел в ответ.

Заперла сейф и пошла баюкать дочь.

Два часа спустя, проверив по просьбе Эрика крыльцо, Рейчел включила телевизор у себя в спальне. Разделенный экран резко отобразил черно-белые трансляции высокой четкости.

Слева – комната Меган. Справа – комната Эрика.

Камеры скрытого наблюдения она установила собственноручно. По дому размещена еще дюжина тщательно замаскированных камер.

Пробежалась по камерам. Постель Меган. Дверь Меган. Окно Меган. Кровать Эрика. Дверь Эрика. Окно Эрика. Передняя дверь. Задняя дверь. Кухня. Гостиная. Ее собственная спальня.

Рейчел смотрела трансляции несколько минут, пока окончательно не удостоверилась, что в доме больше никого, а дети крепко спят. Послушала их дыхание, улавливая знакомые ритмы. А потом на цыпочках направилась к двери в подвал.

Ввела шестизначный код на беззвучной клавиатуре. Дверь отперлась. Детям Рейчел сказала, что в подвал они не смеют спускаться ни в коем случае. Сказала, что в подвале асбест и замок ради их же безопасности. Первая часть – вранье.

Крадучись, двинулась вниз, пока дети спят. В жилах забурлил адреналин. Предстоит работа.

Глава 3

– Диспетчер говорит, там черт ногу сломит, – сообщил детектив Джон Серрано. – Лейтенант Джордж сказал, что труп нашли на замерзшей реке. Криминалисты на месте. Мост перекрыт. Береговая охрана выслала катер.

– Катер? Разве река не замерзла? – удивилась детектив Лесли Талли.

– Напрочь, – подтвердил Серрано. – Способ уйти хуже и придумать трудно.

Шел только третий час ночи, и машин на дорогах в окрестностях Эшби почти не было. «Форд Краун Виктория» катил бесшумно, не считая шелеста шин и звуков «дворников», смахивающих снег.

Детектив Серрано держал на коленях книжку в бумажной обложке. Подцепив обложку, открыл ее, прочел несколько страниц и снова закрыл.

– Жизнь отстой, если ты орк, – заметил Серрано. – Рождаешься уродом. Растешь уродом. Вашего брата миллиард душ, и *все* вы уроды. Разве бывают привлекательные орки? Типа чтобы орк-пацан поглядел на орка-девицу и сказал: «Ой, какая *прекрасная* оркиня»? И потом, чем на жизнь зарабатывать? Всю жизнь или таскаешь всякие тяжести, чтобы мастерить здоровенное оружие для смертоубийства, или идешь в бой, где ты, по сути, просто разменная монета для

своих командиров, которые скорее скормят тебя троллям, чем снизойдут с тобой поздороваться. Так что, по сути, ты рождаешься уродом с вонью изо рта и ужасной кожей, а после помираешь, даже ни разу не перепихнувшись.

– Не представляю, как тебя не тошнит от чтения в машине без света, – отозвалась Талли. – Меня даже от крохотулечных текстов на GPS блевать тянет.

– Глаза приспособливаются, – ответил Серрано. – Такое побуждает возблагодарить Творца, а? Нам сильно повезло быть людьми. Мы ведь могли родиться и орками.

Талли на миг отвела взгляд от дороги, чтобы закатить глаза, обернувшись к напарнику.

– У тебя проблемы, Джон. Глубоко укоренившиеся проблемы. Тебе надо сходить к врачу насчет этих закидонов с гоблинами.

– Орками, – поправил Серрано. – Не гоблинами. И вообще, эти *закидоны* помогают мне думать.

– Если не прекратишь говорить об орках, пока я за рулем, я могу *надумать* нас прямо в реку.

– Знаешь, я готов поспорить, что Клэр и детишки были бы без ума от этих книжек, – сказал Серрано. – Ну, тебе хотя бы хватило ума выйти за человека широких взглядов, хоть ее хорошие черты как-то не передались тебе.

– У Клэр широкие взгляды на испанские вина и британские ситкомы. Но книги, где главные герои с волосатыми ногами расхаживают босиком? Черта лысого! И почему они не

носят обуви? Они ведь одеваются, разве нет? Так почему без обуви? Разве в Центроземелье нет камней?

– В Средиземье, – поправил Серрано. – Но даю тебе баллы за попытку.

– Таскаясь с тобой по двенадцать часов в сутки, как привязанная, я волей-неволей *вынуждена* хвататься твоей бредятины. Почитай какую-нибудь настоящую книгу.

– Сделаю вид, что не слышал.

– Кончай уже, – оборвала Талли. – Почти приехали. Диспетчер говорит, по словам лейтенанта Джорджа, это смахивает на самоубийство.

– Уже не первое на этом мосту, – прокомментировал Серрано, – и, наверное, не последнее.

Снежинки сыпались на ветровое стекло, как сахарная пудра, исчезая под щетками «дворников». Небо являло взору шикарный чернильный гобелен с переливами темно-синего. Серрано прислушался к ветру. Легкий, успокаивающий.

Конечно, зимы в Эшби суровые, но Серрано морозные месяцы по душе. Некоторых сезонная хандра валит с ног, но Серрано холод помогает ощутить биение жизни. Лето мало-помалу высасывает его энергию. Роскошные солнечные дни воскрешают воспоминания, которые он давно – и безуспешно – старается забыть.

Работа в паре с детективом Лесли Талли стала благословением. Для Серрано это не просто партнерство. Она заменила ему семью. Не раз и не два Талли оттаскивала его от края

пропасти. Если бы двадцатидвухлетнему новобранцу Джону Серрано кто-нибудь в свое время сказал, что он будет читать тысячестраничные фэнтэзийные романы, а его лучшим другом станет чернокожая следовательница помладше, нетрадиционной ориентации и с тремя приемными детьми, он бы просто посмеялся.

Серрано увидел мост Альбертсона, призрачно замаячивший впереди на фоне ночной тьмы.

– Приехали, – сказала Талли. – Ну может ли быть более жуткая ночь? Погоди, беру вопрос обратно. Учитывая, какую байду ты читаешь, скорее всего, ты ответишь «да».

– Злые клоуны пока не наблюдаются⁷, – откликнулся Серрано.

– Про это даже я читала.

Стальные фермы моста Альбертсона, построенного в 1928 году, возносятся на 148,5 фута над 1,2-мильной рекой Эшби. По ночам мост являет чудесное зрелище, а его середина – любимое место обручающихся парочек. С восточной стороны моста через реку открывается дивный вид на долину Вудбаррен-Глен – тысячи акров пышной листвы, туристских и беговых троп и дорожек для верховой езды. Когда Серрано был моложе – куда моложе, – он мог запросто пробежать 5,4-мильную беговую тропу вокруг долины, уложившись в тридцать пять минут, а то и в меньшее время. Теперь довольствуется пешими прогулками, слушая аудиокни-

⁷ Отсылка к роману Стивена Кинга «Оно».

ги и подкасты. Сама же река Эшби течет на север 100 миль до Сидар-Рапидс в Айове и сворачивает на юго-запад, оканчивая свой путь в северном Миссури.

Талли подогнала машину к берегу. Река под мостом Альбертсона покрылась толстым льдом, припорошенным тонким слоем снежка. Через реку до Серрано доносилось неустанное буханье катера береговой охраны, пробивавшегося сквозь лед. Большинство старых патрульных катеров дооснастили ледокольным оборудованием. Усиленный нос достаточно крепок, чтобы ломать даже сплошной лед, а корпус специальной конструкции расталкивает сломанный лед в стороны, чтобы он не повредил двигательную систему. Ветер от пропеллеров взвивал снег, будто метель.

На обоих берегах установили портативные прожекторы. Верхний прожектор патрульного катера высвечивал под мостом белый круг. Серрано увидел двух криминалистов, делающих фотографии и берущих образцы. Между ними стояла желтая палатка длиной семь футов и шириной три, расчаленная на колышках, вбитых в лед. Палатка там, чтобы не позволить стихиям причинить находящемуся внутри трупы дополнительного вреда.

Натянув по паре ботинок Caterpillar Drover Ice+, Серрано и Талли выбрались из машины. Буханье ледокола замедлилось, а потом и вовсе прекратилось. Крепкий ветер обжег Серрано лицо. Патрульному катеру пришлось пробиваться сквозь лед, чтобы подобраться достаточно близко для осве-

щения места происшествия. Но, подойдя чересчур близко, он рискует расколоть лед так, что место происшествия будет не просто нарушено, а вообще уйдет под воду.

– Повнимательнее, – сказал Серрано, вместе с Талли осторожно ступая на лед. Криминалисты определили, что толщина льда у восточного берега реки Эшби от пяти до семи дюймов. Вес детективов, а то и легкого транспортного средства вроде снегомобиля выдержит. Они все еще пытаются сообразить, как изъять тело, не подвергая риску собственные жизни и не потревожив лед так, что труп уйдет в воду. Подъем трупа вертолетом может привести к потере потенциально ценных трасологических улик, что ставит на этом варианте крест.

Смахнув с лица иней, Серрано высморкался в салфетку. Услышал треск, ощутил, как сердце ушло в пятки, и застыл как вкопанный.

– Это от катера, нюня, – успокоила его Талли.

– В детстве я провалился в замерзший пруд в Вудбаррен-Глен, – пояснил Серрано. – Тут бы мне и конец, если бы двое рыбаков не увидели, как я ушел под лед. Предпочел бы не проходить через такое по второму разу.

Пейзаж перед ними напоминал красивый кошмар – луна в четвертой четверти, повиснув над голыми деревьями Вудбаррен-Глен, отражается от заледеневшей реки Эшби, а свет прожекторов заливают всю сцену резким желтым сиянием. На месте происшествия ярдах в двухстах от восточного бе-

рега реки хлопотали двое криминалистов в толстых куртках с желтыми надписями «ДП⁸ Эшби» на спинах. Увидев приближение Серрано и Талли, один из экспертов – Айзек Монтроз – медленно двинулся по льду им навстречу. Серрано поприветствовал его, обменявшись рукопожатием.

Крупный и грузный – шесть футов четыре дюйма и за двести пятьдесят фунтов – Монтроз со своей бритой головой в толстой шерстяной шапке и длинной растрепанной эспаньолкой больше похож на члена банды байкеров, чем на следователя-криминалиста. Год назад его сманили сюда из полицейского департамента Пеории, где он занимался анализом брызг крови. Поверх теплых перчаток он натянул громадные латексные. Серрано не раз видел на местах преступлений, что руки у Монтроза деликатные, как у скрипача, хоть габаритами он и не уступает мелкому носорогу. Он способен пинцетом ухватить даже осу в полете.

– Итак, детектив Талли, – кивнул Монтроз Талли, – вы еще не прикончили Серрано? Глядишь, сработаетесь.

– Ключевое слово «еще», – отметила Талли. – Я до сих пор не выучилась, как сказать: «Заткнись к чертям и дай мне спокойно вести машину» по-орочьи.

Монтроз хохотнул:

– В прошлом году он пытался навязать мне эти книжонки про заклинания и драконов. Отдал их моему сыну, и теперь тот подсел. Никогда особо не любил читать. Может, надо его

⁸ ДП – Департамент полиции.

поблагодарить?

– Милости прошу, – отозвался Серрано. – И что же мы видим?

Монтроз повел их к труп:

– Женщина белой расы. От сорока двух до сорока восьми лет. Без документов. Подвергалась воздействию стихий несколько часов, прежде чем поступил звонок на девять-один-один. Пара подростков зависали на пешеходной дорожке моста Альбертсона и захотели проверить, замерзнет ли плевка до того, как долетит до земли. Харкнули и увидели тело. Иначе ее бы могли до утра не найти. Чтобы снять отпечатки пальцев, потребуется какое-то время.

– Почему это? – удивилась Талли.

– Кровеносные сосуды в конечностях тоньше, – пояснил Монтроз. – В пальцах на руках и ногах. На морозе ее капилляры могли значительно расшириться, вследствие чего форма и текстура кожи исказились. Чтобы получить точные отпечатки, надо подождать, пока жидкости растают. Но нам надо побыстрее доставить ее в лабораторию, потому что органы уже начали замерзать. Человеческая плазма на пятьдесят процентов состоит из воды. Так что, замерзая, кровь расширяется и может начать разрушать окружающие ткани. И вот тогда-то моя работа становится *воистину* трудной.

– Предварительное заключение о причине смерти у нас есть? – поинтересовался Серрано.

– Тут сказать трудно. – Указав на мост Альбертсона, Мон-

троз свистнул, изображая пальцем падение и звук шлепка, когда тот уткнулся в ладонь. – Она рыбкой слетела с пешеходной дорожки. Почти на полторы сотни футов. Это... выглядит скверно. При падении с такой высоты точная причина зависит от того, как и под каким углом она приземлилась, а этого мы не узнаем, пока не доставим ее в лабораторию и не сможем осмотреть труп, не тревожась, что она уйдет под лед. Если ударились головой, может быть травма от удара тупым предметом. Если приземлилась, планируя, как летяга, раскинув руки и ноги, то переломала все ребра грудной клетки до единого, пронзив сердце и легкие обломками костей.

– Боже, – тряхнула головой Талли.

– Медэксперт уже в пути. Ее отвезут к Гектору Морено в морг, как только мы закончим, – сообщил Монтроз. – Но я пока не уверен, что мы сможем переместить тело, не потревожив равновесия окружающего льда.

– Позвоню лейтенанту Джорджу, – решила Талли. – У него могут быть предложения.

– Давайте поглядим, – сказал Серрано.

– Я останусь здесь, – заявил Монтроз. – Лед вокруг тела достаточно толстый, чтобы выдержать вес еще двоих. Но втроем или вчетвером мы рискуем потерять тело, а то и кого-нибудь из вас. Я предпочту не превращаться в двухсотшестидесятифунтовое эскимо.

Поблагодарив Монтроза, Серрано с Талли направились к палатке, скрывающей труп. Возле палатки на корточках си-

дел еще один криминалист, незнакомый Серрано. При виде детективов он встал и поздоровался.

– Райан Бин, – представился он. Бин оказался молодым человеком – лет двадцать девять, прикинул Серрано – с впалыми щеками и темными кругами под глазами. Ставив латексные перчатки, он обменялся рукопожатием с Серрано и Талли, постоянно шмыгая носом и изо всех сил стараясь не выбивать зубами дробь.

– Вы ведь не местный, – заметила Талли, – правда?

Бин засмеялся, потом отвернулся в сторону и чихнул в локоть.

– Из Рено, – сообщил он. – У нас таких зим не бывает.

– Добро пожаловать в Эшби, – провозгласил Серрано. – Делайте прививки от гриппа, всегда держите под рукой салфетки, а в следующий раз, протоколируя место преступления на замерзшей реке, надевайте термобелье.

– Слушайте, эта полезная информация в справочник подразделения как-то не вошла. – Аккуратно расстегнув клапан палатки, Бин отвел его в сторону. – Ну, вот она.

Стало видно тело женщины. Серрано ощутил, как вдоль хребта пробежала дрожь, но не от холода.

Она лежала ничком на заледеневшей поверхности реки, частично погрузив лицо в нее.

Серрано принялся внимательно рассматривать изувеченное тело, распластанное перед ним. Правая рука и нога изогнуты под чудовищно неестественными углами, наводя Сер-

рано на мысль, что она упала ничком, чуть повернувшись вправо.

В шести дюймах перед головой виднелась пробоина во льду приблизительно овальной формы с замерзшим на краю мазком крови, блестящим в свете прожекторов, как алая губная помада.

– Мы полагаем, она приземлилась черепной коробкой вперед, – сообщил Бин. – Голова пробила лед, но тело осталось выше поверхности. Будто макабрическая версия ловли яблок⁹. Ее голова была в воде не меньше часа, прежде чем поступил звонок.

Серрано осмотрел дыру во льду у головы женщины и кровь на краю:

– Вы ее вытащили?

– Только извлекли верх головы из воды, – пояснил Бин. – Если бы все жидкости: кровь, слизь, глаза, мозг – замерзли, получить точную токсикологию и анализ тканей было бы все равно что собрать корову из фарша.

– Проявите чуточку уважения, – осадил его Талли. – Вы говорите о женщине.

– Извините, детектив, – виновато кивнул Бин.

– Вы сфотографировали тело, его положение, прежде чем извлечь? – спросил Серрано, заранее догадываясь об ответе.

– Нет.

⁹ Ловля яблок – традиционное игровое развлечение в ряде стран, в ходе которого участники должны одними зубами вынимать яблоки из емкости с водой.

– Проклятье!

– Не говорите Монтрозу! – побледнев, взмолился Бин. – Я здесь всего месяц.

«Значит, на меня свалился новичок», – подумал Серрано. Если речь действительно о самоубийстве, как подозревает лейтенант Джордж, это вряд ли имеет значение. На данный момент Монтроз и Бин должны были каталогизировать все необходимое: волосы, волокна, кровь. Больше незачем беспокоиться, если что-то будет потревожено.

Опустившись на колени рядом с женщиной, Серрано ощущал ее пальцы и суставы. На ощупь тело окостенело – комбинация трупного окоченения и замерзания телесных жидкостей.

– Кровь и органы начали твердеть, – подал голос Бин. Серрано кивнул. Будто щупаешь глыбу льда, укутанную в пуховик.

– Надо вытащить ее отсюда, – решил Серрано. – Чем дольше она будет оставаться, тем дольше придется отогревать тело, и тем менее точной будет токсикология.

После чего хотел было перевернуть тело навзничь, но увидел, что меховая опушка курки вмерзла в лед, достал из ботинка складной нож TAC-Force и принялся перепиливать опушку. TAC-Force уже пригодился ему не раз и не два, а еще, если понадобится, им можно разбить окно автомобиля. Но впервые на памяти Серрано нож послужил освобождению искусственного меха из плена ледяной реки.

Как только опушка освободилась, Серрано наклонился и бережно перекатил женщину на спину. Лицо призрачно-белое. Чудовищные повреждения головы. Передняя часть черепа сплющена от верха лобной кости над глазами до нижней челюсти. Нос сплющен, челюсть вывихнута.

И все равно, несмотря на повреждения, Серрано узнал ее сразу же.

– Твою мать! – выдохнул он. – Это Констанс Райт.

– Быть не может! – Талли подошла поближе. И охнула, увидев лицо покойной. – Охренеть!

– Вы ее знали? – спросил Бин.

– Да, мы ее знали, – ответила Талли. – Не так уж давно она была мэром Эшби. Чертовски хорошим, пока на нее не наехали. Я голосовала за нее. Дважды.

– И что случилось? – поинтересовался Бин.

– Скажем так, некоторые просто впадают в немилость, – вставил Серрано. – Констанс Райт сорвалась в Большой каньон.

– Джон? – поглядела Талли на Серрано.

Он отвел взгляд.

– Слушай, мне жаль, что она мертва.

– У детектива Серрано и мэра Райт вышла история, – пояснила Талли Бину.

– Она сделала, что должна была, – отрезал Серрано. – Проехали и забыли. – Хотя по его интонации было ясно, что это вовсе не так.

– Ага. Проехал, как штабель шпал, – откликнулась Талли. – Случившееся между тобой и мэром Райт было делом отнюдь не личным, Джон.

– Давно было, – бросил Серрано. – Я не держу зла.

– Я знаю, что на дворе всего пять градусов¹⁰, но у тебя штаны горят.

Со стороны берега донесся визг шин. Прикатили три телевизионных фургона, заскользив юзом по обледеневшему склону, и чуть не въехали друг в друга, выезжая на позицию. Серрано ругнулся вполголоса. Талли – в полный голос.

Для телевизионщиков прибывать на потенциальное место преступления почти одновременно с правоохранительными органами – дело обычное. В толстых кошельках медиапродюсеров всегда найдутся наличные, чтобы подмазать копов. А при жалованье полицейского, учитывая алименты женам и детям, а то и карточный должок-другой, пройти мимо лишней штуки на рождественские подарки просто невозможно.

И все-таки надо держать личность Райт в секрете вплоть до проведения надлежащего опознания и уведомления кого-либо из ближайших родственников.

– Не вижу ни сумочки, ни клатча, – заметила Талли. – Вы с Монтрозом не находили их на месте происшествия?

– Не-а. Вы видите все, что мы нашли.

– Могли уйти в воду после ее падения, – предположила Талли.

¹⁰ По Фаренгейту. Около -15°C .

– Ударный кратер размером с голову жертвы, – покачал головой Серрано. – Вокруг больше никаких задиров и никаких следов ног вокруг тела, кроме наших. Так что наличие мародера сомнительно. Опять же, отсутствие документов и денег для жертв самоубийства отнюдь не в диковинку. Они считают, что там, куда планируют отбыть, кредитные карты и ключи от дома не понадобятся.

Опустившись на колени, Талли пошарила в карманах куртки Райт:

– Пусто.

– Мне нужно полное токсикологическое обследование, – помахал Серрано Монтрозу. – Проверка на алкоголь, медикаменты и наркотики.

И презрительно посмотрел на телевизионные фургоны. Операторы уже принялись устанавливать камеры для прямой трансляции. Ведущие пока прятались у тепловентиляторов, дожидаясь, когда настанет время крупных планов.

– Медэксперт в десяти минутах езды, – сообщил Монтроз. – Как собираетесь это проверить?

– Для фургона лед слишком тонкий. А если судно, – Серрано указал на патрульный катер, – подойдет хоть чуточку ближе, вся эта льдина может расколоться.

– Снегоход, – предложила Талли.

– Хорошая мысль, – кивнул Серрано.

– Пусть привяжут спасательные носилки-люльку к снегоходу, – продолжала Талли. – Люлька не даст телу волочиться

по льду. Нужно вытащить ее отсюда без дальнейшего ущерба.

– Я вызову, – сказал Монтроз.

– А как насчет них? – указала Талли на новостные фургоны. Серрано лишь вздохнул. Он не в особом восторге от репортажей с места событий, особенно в такую погоду, когда по телевидению высокой четкости зритель у себя в гостиной может разглядеть каждую козюлину у тебя в носу. На берегу собралась небольшая толпа зевак. В такой час ночи главным образом пьяниц, бродяг и не в меру любопытных личностей.

– Позвоните диспетчеру, – распорядился Серрано. – Скажите, что может потребоваться сдерживать толпу. А раз СМИ уже здесь, лейтенант Джордж наверняка захочет, чтобы я сделал краткое заявление для прессы. И чтобы *никто* ни гу-гу о личности Райт прессе.

Талли кивнула:

– Знаешь, спросили бы меня пару лет назад, я бы сказала, что у Констанс Райт есть шанс попасть в Белый дом.

– Я тоже, – согласился Серрано.

– Даже после того, что она учинила над тобой? – удивилась Талли.

– Даже после этого.

– Покажи им, где раки зимуют, – блекло улыбнулась Талли.

Серрано заковылял к берегу реки Эшби, где собирался не сказать слетевшимся новостным бригадам ровным счетом

ничего существенного. Но один вопрос по-прежнему терзал его. Прошло уже два года с тех пор, как жизнь Констанс Райт погорела синим пламенем. Эта женщина снесла невообразимые оскорбления, злобу, насмешки и жестокость. Но с жизнью не рассталась. Два года – и ничего.

Так с какой же стати она вдруг решила положить этому конец сейчас?

Глава 4

Закончив завтрак в молчании, Эрик встал из-за стола, даже не сказав спасибо. Меган же, в восторге, что внимание матери целиком принадлежит ей, заливалась соловьем о книге, которую пишет.

– Это детектив и приключения, – сообщила. – Как будто Чудо-женщина и Дора-путешественница¹¹ сразу.

– Я бы непременно прочла такую книгу, – совершенно серьезно сказала Рейчел.

– Это будет целый сериал. Мою героиню зовут Сейди-разведчица. Она суперсильная, и у нее ручной тигр.

– Само собой, – согласилась Рейчел. – И как зовут этого ручного тигра?

– Рокси.

– Ручной тигр по имени Рокси. И где же Рокси спит?

– Конечно, в постели с Сейди. – Меган раздосадовало, что матери вообще пришел в голову такой глупый вопрос.

– Надо было догадаться, что тигр спит в постели с Сейди. И когда же я смогу прочесть первую историю о Сейди-разведчице?

– Когда я закончу, – заявила Меган, сползая со стула. – И

¹¹ «Дора-путешественница» – транслирующийся с 2000 года американский образовательный мультсериал; главная героиня, любопытная и активная девочка, в российской адаптации стала Дашей.

ни минутой раньше.

– Что ж, буду ждать.

Эрик спустился со второго этажа, закидывая рюкзак на плечо.

– Хорошего дня! – крикнула Рейчел. Не отозвавшись ни словом, Эрик просто кивнул и надел наушники. И ушел. Через несколько минут подкатил школьный автобус. Рейчел присела на корточки, чтобы Меган смогла обнять ее своими маленькими ручонками, и поцеловала дочь, прежде чем та выскочила за дверь. Рейчел проследила, как она забирается в автобус и садится рядом с лучшей подругой Симоной Уотсон.

«И когда моя пигалица успела подрасти?» Ну, хотя бы переросла свою предыдущую любимую игрушку под названием «блингл» – набор, позволяющий создавать собственные блестящие, переливающиеся наклейки, которые можно лепить повсюду, куда дотянешься. Рейчел была глубоко убеждена, что «блинглы» изобрел чистейший социопат, учитывая, что они дают ребенку возможность превратить дом в подобие низкопробного стриптиз-клуба. Не так давно, подняв крышку унитаза, Рейчел обнаружила уставившегося на нее ослепительного единорога.

Когда оба ребенка ушли, Рейчел уселась за кухонную стойку; приготовила фриттату¹² из яичного белка, шпината и феты, заварила кофе во френч-прессе, подтащила к стой-

¹² Фриттата – итальянский омлет по-крестьянски.

ке табурет и поела, слушая интернет-трансляцию новостей через ноутбук.

Включила «Канал 8». Синоптик, щеголяя загаром, на который декабрьское солнце явно не способно, проинформировал зрителей, что температура на этой неделе не превысит пятнадцати градусов, а по ощущениям с учетом охлаждения ветром будет около нуля¹³. Рейчел поморщилась, потягивая кофе.

Потом переключили на ведущих местных новостей – мужчину чуть больше пятидесяти лет с волнистым светло-русым зачесом на лысине и улыбчивую молодую брюнетку, чья экзальтация так рано утром могла объясняться лишь дозой эспresso или метамфетамина.

– А теперь перейдем к центральному репортажу – экстренной новости, поступившей сегодня поздно ночью, – сообщил мужчина. – Под утро у подножия моста Альбертсона был обнаружен труп. На месте событий находился департамент полиции Эшби, как и наш собственный корреспондент Чарльз Уиллмор.

Отставив кофе, Рейчел подалась к экрану. Потокое вещание на компьютере сбоило, и оставалось лишь надеяться, что оно не оборвется.

Трансляция переключилась на материал, отснятый рано утром. В бегущей строке было указано 2:00. Ролик отсняли с восточного берега реки Эшби. На заднем плане виднелись

¹³ Ок. –10 °С и –18 °С соответственно.

четверо копов в куртках департамента полиции Эшби, обследующих освещенную площадку под мостом. Радиус места происшествия составлял футов тридцать. Сам труп был скрыт от взглядов желтой палаткой. Камеры показали с дюжину зевак, собравшихся у края замерзшей реки, чтобы поглазеть на мрачную сцену. Трансляция переключилась на записанный репортаж.

– Чарльз Уиллмор для «Канала 8». Я нахожусь у моста Альбертсона напротив Вудбаррен-Глен. Правоохранительные органы Эшби отреагировали на звонок в службу девять-один-один вскоре после часа ночи, обнаружив то, что на первый взгляд представляется самоубийством у достопримечательности. Как видите, сцена позади меня весьма необычна. Следствие ведется на поверхности замерзшей реки Эшби, требуя от полицейских следователей особой осторожности.

Видео показало патрульный катер, пробившийся сквозь лед. Прожектор катера отбрасывал на место происшествия резкий свет. Камера «Канала 8» сделала наезд на белого детектива лет за сорок и молодую чернокожую женщину-детектива, сидящую на корточках у палатки, скрывающей тело.

– Мы смогли переговорить с одним из офицеров на месте происшествия, – добавил Уиллмор.

Камера переключилась на мужчину, обозначенного в бегущей строке как детектив Джон Серрано из департамента полиции Эшби. На вид Серрано было от сорока двух до

сорока четырех. Из-под шерстяной ушанки виднелись темно-каштановые волосы и бакенбарды мышинового цвета. Зеленые глаза цвета сосновой хвои, трехдневная щетина, седина на висках. Выглядел он усталым и огорченным.

– Детектив, скажите, удалось ли вам провести опознание? – спросил Уиллмор.

– На данный момент мы еще производим предварительные следственные действия и пока не располагаем официальным опознанием, – выложил Серрано. – Как только оно появится, мы уведомим ближайшего родственника, прежде чем оглашать какие бы то ни было заявления о личности жертвы.

– Вы употребили термин «жертва». Значит ли это, что вы предполагаете, что здесь имело место не самоубийство?

– Людей, отнявших у себя жизнь, тоже называют жертвами. Исходя из предварительных выводов, мы не готовы сделать официальное заявление касательно причины смерти.

– Мост Альбертсона пользуется печальной репутацией из-за того, что привлекает желающих наложить на себя руки, – добавил Уиллмор. – Может ли быть, что эта женщина прыгнула навстречу гибели?

Как только Уиллмор произнес слово «женщина», Серрано удивленно выпучил глаза.

«Уиллмор не должен был знать, что это женщина, – подумала Рейчел. – Кто-то слил информацию в СМИ. Наверняка другой коп».

– Это возможно. Мы не исключаем никаких возможностей. Сейчас вам необходимо дождаться официального заявления, которое будет сделано, как только мы завершим предварительный анализ.

Серрано направился прочь, камера проследила за ним. Рейчел заметила, что одну руку он стиснул в кулак.

Камера переключилась на палатку. Женщина-детектив отступила, и в этот момент Рейчел увидела руку жертвы. На левом указательном пальце блеснул серебряный перстень с большим топазом.

Рейчел уже видела этот перстень. И вспомнила слова его владелицы:

«Это знак семьи».

Бессмыслица какая-то. Она не покончила бы с собой. Теперь, после всего, что вынесла.

«Пережив пожар, в холод не погибнешь».

Рейчел перемотала прямую трансляцию, чтобы сделать несколько скриншотов, прежде чем нажать кнопку воспроизведения.

– Вот и все, – продолжал Уиллмор. – Печальная новость о том, что в Эшби сегодня женщина предположительно покончила с собой в первые часы этих зимних суток на одном из самых любимых монументов города. Возвращаемся в студию.

– Наши молитвы с ее друзьями и близкими, кто бы они ни были, – сказала ведущая. – Мы на «Канале 8» знаем, что

иногда праздники бывают испытанием, так что, пожалуйста, воспользуйтесь этими номерами. Вам помогут.

В нижней половине экрана появилось несколько телефонов: Национальная горячая линия по предотвращению самоубийств, Общество анонимных игроков и Национальная сеть по вопросам изнасилований, домогательств и инцестов.

– А теперь о спорте, – объявил ведущий, и пошел материал о баскетбольном матче, будто секунду назад и речи не было о чьей-то ужасающей кончине.

Отправив скриншоты себе на почту, Рейчел открыла фотографии. Внимательно рассмотрела. Сделала кое-какие мысленные пометки. Открыла на телефоне приложение калькулятора. И через считанные секунды узнала, что Констанс Райт убита.

* * *

Сев в машину, Рейчел посмотрела на часы. До работы еще час. Времени в обрез. Но сделать это необходимо. Копам никакого доверия. И кто-то из департамента полиции Эшби явно навел СМИ на место преступления. Но Серрано вроде бы изумился, и реакция его выглядела искренней. Может, он честен и непорочен. Но нужно знать наверняка.

Свернув налево по Меррибрук-Лейн, Рейчел направилась в центр города. Южная часть Эшби состоит в основном из деловых и административных зданий – сплошь старый кир-

пич и новая сталь. Несмотря на мороз, солнце в небесах сверкало, отражаясь от снега ослепительными бликами. Рейчел пришлось надеть темные очки.

Свернув на бульвар Айзенберга, направилась на юг. Движение в сторону моста Альбертсона было просто кошмарным. Хоть мост и открыли для движения, место преступления еще наверняка огорожено, а зеваки мешают движению на многие мили. Но Рейчел направлялась вовсе не к мосту. Ей и так уже известно все, что нужно знать.

Она свернула направо, на Бранч-авеню, проехала несколько миль на юг, мимо Уэстерби-Молл, потом по I-74-Юг к Перории. Проехав двенадцать миль, свернула к торгово-развлекательному центру, припарковалась рядом с серебристым «Бьюиком» и выбралась из машины.

Подошла к грязному таксофону, угнездившемуся между китайским ресторанчиком, торгующим навынос, и пунктом обналичивания чеков. Снаружи тусовалась группа подростков, вытворявших фокусы на скейтбордах. Один из парней снимал трюки на сотовый телефон.

Вынув из сумочки пакет дезинфицирующих салфеток, Рейчел тщательно протерла телефон и трубку. Открыв приложение на мобильнике, сделала несколько проб, проверяя разборчивость, высоту и тембр речи. Потом надела перчатки и набрала 911. Пора поглядеть, стоит ли департамент полиции Эшби хоть выеденного яйца.

Как только диспетчер ответил, Рейчел произнесла:

– Это сообщение для детектива Серрано из департамента полиции Эшби. По поводу трупа, найденного на мосту Альберт-сона вчера ночью. Он должен знать, что это не самоубийство.

Глава 5

– Детективы Серрано и Талли, спасибо, что зашли. Приятно иметь компанию. Обычно тут царит мертвый покой.

Гектор Морено улыбнулся в ожидании смеха. Серрано и Талли синхронно закатили глаза.

– Мы тоже рады тебя видеть, Гектор, – отозвался Серрано. – К счастью для департамента полиции Эшби, твоей карьере комика взлет не грозит.

Гектор Морено – привлекательный мужчина испанской наружности лет пятидесяти, с теплыми карими глазами, острыми скулами и аккуратной черной с проседью эспаньолкой – прослужил главным судмедэкспертом округа Эшби шестнадцать лет. Поверх хирургического костюма на нем был галстук-боло¹⁴ с бирюзой, вправленной в серебряный коровий череп.

– Чем меньше вы нас видите, тем лучше, – заявила Талли. – Значит, люди не умирают при подозрительных обстоятельствах. Как Камила и дети?

– Камила – замечательно, просто замечательно, – сказал Морено. – Два ее полотна собираются выставить в художественной галерее в Нью-Йорке. Можете поверить? Через па-

¹⁴ Галстук-боло (также известный как «ковбойский») – текстильный или кожаный подворотниковый шнур, перехваченный скользящим декоративным зажимом и имеющий металлические наконечники.

ру недель она туда вылетает на торжественное открытие. Вполне может стать, она будет следующим Рембрандтом.

– Молодец, – похвалил Серрано. – Но это поднимает вопрос, с какой радости она вышла за тебя.

– Да знаю, знаю. Десять лет назад она мне говорит, что хочет попытать себя в живописи, покупает акрил и холст, превращает гараж в радужный кавардак, а теперь ей еженедельно звонит какой-то тип, называющий себя Гулливером и говорящий с британским акцентом, хотя сам он из Висконсина. Я его проверял. Похоже, рано или поздно она меня бросит, чтобы жить в шалаше с каким-нибудь богемным поэтом в дредах, с которым встречается в кальянной в Ист-Виллидже.

– В таком случае я даю ей полгода с поэтом, прежде чем она осознает, как хорошо было с вами, – заметила Талли. – Ни за что не встречайся с представителем пишущей братии, я однажды такую ошибку сделала.

– Я бы заплатил, чтобы увидеть реакцию, когда эти напыщенные художники спросят, чем ее супруг зарабатывает на жизнь, – засмеялся Морено. – «Мой муж? А, он целыми днями обмотан кишками». Эй, Серрано, ты до сих пор читаешь эти книжонки о ведьмах и волшебных бобах? Выучил какое-нибудь заклинание, которые могло бы воскресить мэра Райт из мертвых? Я не шучу. Случившееся с ней пару лет назад было позорищем.

– Согласна, – поддержала Талли.

Серрано не проронил ни звука.

– Так что же у вас для нас? – осведомилась Талли.

Щелкнув пальцами, Морено поманил детективов за собой. Привел их в хорошо освещенное серое помещение со стерильными металлическими стеллажами вдоль стен с криминалистическими инструментами: скальпелями, держателями, костными пилами, реберными расширителями, энтеротомом¹⁵, пинцетами, хирургическими иглами и тому подобным. На столе в центре комнаты лежал труп, покрытый белой простыней размером четыре на десять футов. Серрано заметил палец ноги, торчащий из-под простыни. Ноготь был покрыт вишнево-красным лаком.

– Погляди сюда, – указал Серрано на палец. Талли подошла, чтобы рассмотреть.

– Слой лака выглядит свежим, – отметила Талли. – Она сделала педикюр на этой или на прошлой неделе. – Приподняв простыню, Талли заглянула под нее. – И недавно побрила ноги.

– Значит, на этой неделе она еще ухаживала за собой. Не очень-то похоже на поведение человека, собравшегося подвести черту, – подхватил Серрано.

– Давай свяжемся с местными маникюрными салонами – может, удастся выяснить, какой из них Райт посещала регулярно. – Талли повернулась к Гектору: – Вы готовы?

Морено кивнул.

– Но только предупреждаю, зрелище не из приятных.

¹⁵ Энтеротом – инструмент, совмещающий функции зажима и лезвия.

– А когда смерть приятна? – отозвался Серрано.

– Да никогда. Эта женщина заслуживала лучшего. – Морено медленно откинул простыню, открыв тело Констанс Райт. Талли охнула, но не обмолвилась ни словом.

Серрано внимательно разглядывал женщину, лежащую перед ним. Тело Констанс Райт было сокрушено. Это первое, что пришло ему в голову. Она выглядела, будто тряпичная кукла, как попало брошенная на пол небрежным ребенком – конечности изогнуты под чудовищно неестественными углами.

– Лед – беспощадный ублюдок, – заметил Морено. – Сейчас изложу по порядку.

– Валяй, Гектор, – кивнул Серрано.

– Причина смерти – травма головы от удара тупым предметом. – Морено натянул латексные перчатки. Все лицо Райт, от лба до подбородка, было вдавлено, кости вывихнуты. – К счастью, от удара она мгновенно скончалась. Без боли.

– Слава небесам за маленькие одолжения, – произнесла Талли.

Морено кивнул:

– Сломаны все двадцать четыре ребра. Четыре пронзили сердце, а семь – легкие. И печень, и селезенка тоже пробиты. Даже если бы травма головы не убила ее, эти травмы сделали бы это почти мгновенно.

Он перешел к ее изувеченным конечностям:

– Сложные переломы левой лучевой и правой локтевой кости, а также и большеберцовых, и малоберцовых костей в обеих ногах. Таз превратился практически в щебень.

– А токсикология? – осведомился Серрано.

– Алкоголь в крови на уровне 0,43. Никаких следов наркотиков в организме.

– 0,43? Необычайно много, – заметила Талли. – Должно быть, она крепко нахлесталась в последнюю ночь. Думаете, отупляла себя перед прыжком?

– Возможно. Но есть еще одно. – Морено помолчал. – Она была беременна.

Челюсть у Серрано отвисла.

– Насколько давно? – уточнила Талли.

– Судя по уровню гормона зародышевой оболочки, около девяти недель.

– Откуда следует, что она более чем вероятно знала о своей беременности, – заключил Серрано. – Мы обыщем ее квартиру на предмет тестов на беременность, пренатальных витаминов – любых свидетельств ее умонастроения.

Подойдя ближе к телу Райт, Талли протянула руку, раскрыв ладонь над животом женщины, а потом сжав в кулак. Накрыв ее руку своей ладонью, Серрано бережно опустил ее к боку Талли.

– Знаю, – проронил Серрано. – Знаю.

Талли порывисто вздохнула:

– Извини. Просто... утрата жизни.

– Мы можем установить личность отца по тканям плода? – справился Серрано.

– В девять недель зародыш весит всего одну десятую унции, – покачал головой Морено. – Тканей настолько мало, что и говорить нечего. А анализ ДНК не может определить отцовство, если нет образца партнера для сравнения. Одни ткани плода отцовства не определяют.

– Также не исключено, что она сделала это самостоятельно с донорской спермой, – присовокупил Серрано.

– Но с какой стати ей пускаться во все тяжкие, чтобы зачать, а два месяца спустя прыгать с моста? – возразила Талли. Ответа у Серрано не нашлось.

– Все по порядку, – наконец сказал он. – Оба родителя Райт уже умерли. Детей нет. Других живых родственников нет. Нужно вызвать для опознания ее бывшего мужа Николаса Драммонда.

– Если правильно помню, бракоразводный процесс вышел склочный, – вставил Морено. – Драммонд будет не в восторге, что его в это впутали.

– Склочный – это слишком мягко сказано, – откликнулся Серрано. – А еще я хочу сравнения его ДНК с ДНК зародыша.

– Он может отказаться подчиниться без судебного постановления, – указала Талли.

– Если откажется, это даст нам ответ на вопрос.

– Думаешь, Констанс Райт могла напоследок чпокнуться

со своим бывшим и подзалететь? – спросил Морено.

– Такое не в диковинку, – ответил Серрано. – Драммонд вновь женился вскоре по окончании развода с Констанс. Бывшие раздувают искру, вступают в связь, она беременеет, а муж пытается скрыть это от новой жены.

– Вот почему я озаботилась придержать первоклассные материалы для шантажа на случай, если Клэр меня бросит, – поведала Талли. – Мы пришли бы к соглашению сторон ровно за пять минут.

– Умно, – похвалил Морено. – И хладнокровно. Не уверен, что хладнокровие способствует здоровым супружеским отношениям, но мне ли судить?

– Итак, твои первоначальные выводы? – спросил Серрано.

– Ну, – ответил Морено, – на данный момент, учитывая аномально высокое содержание алкоголя в крови и растрепанную личную жизнь жертвы, было бы трудновато не списать это на самоубийство. Если беременность была нежелательной, она могла послужить последней каплей.

– Будем дотошными, – не согласилась Талли. – Мне не дает покоя педикюр. И еще я хочу поговорить с Николасом Драммондом.

– Николас Драммонд вышел из брака с кучей денег Констанс Райт, – изрек Серрано. – Ему уже заплачено. Зачем убивать ее *теперь*?

– Беременность – вот что меня терзает, – ответила Талли. – Предположим, Райт знала. Но нам нужно постановле-

ние суда, чтобы посмотреть ее электронную переписку и текстовые сообщения. Если Райт уже ходила по лезвию бритвы и не хотела ребенка, этого могло хватить, чтобы толкнуть ее за край. А может, она хотела, Драммонд нет, и вот вам мотив.

– Если это вообще Драммонд, – возразил Серрано.

– Если это вообще Драммонд. И все равно до этого дойти не должно было, – произнесла Талли. – Мне никогда не было особого дела до чокнутой семейки Райт – да и до самого Николаса Драммонда. Он всегда производил впечатление мужика, которому претило, что жена его затмевает. Но, черт возьми, сердце у этой женщины было хорошее. Она не заслужила того, как с ней поступили.

Серрано рассеянно кивнул. И тут зазвонил мобильный у него на поясе.

– Только не говори, – встрепенулся Морено, закатывая глаза. – Это тема из...

– «Властелина колец», – поведал Серрано. – Один рингтон на всех.

– Видите? – вставила Талли. – Вот с чем мне приходится иметь дело изо дня в день.

Не обращая на них внимания, Серрано ответил на звонок и сказал:

– Серрано слушает.

– Детектив Серрано, это Ванда Бреммер из девять-один-один. У меня есть то, что вы должны услышать.

– Детективы не реагируют на звонки в девять-один-

один, – отрезал Серрано. Должно быть, новенькая.

– Я понимаю. Но поверьте, это вы должны услышать, – не уступала та. – Переключаю вас. Эта личность позвонила двадцать шесть минут назад. Обычно я не переадресовываю звонки, но... вы должны это выслушать, детектив.

– Ладно, – в сердцах буркнул Серрано. – Слушаю.

Послышалось потрескивание воспроизводящейся записи. Потом раздался голос. Искаженный мужской голос. Низкий, сиплый, компьютерный. Звонивший явно воспользовался модулятором.

– Это сообщение для детектива Серрано из департамента полиции Эшби. По поводу трупа, найденного на мосту Альбертсона вчера ночью. Он должен знать, что это не самоубийство. Я знаю, что личность жертвы прессе не раскрывали, но это Констанс Райт. Констанс Райт была убита. И я могу доказать. Продолжайте слушать, и я объясню. Пожалуйста, перешлите эту запись детективу Серрано целиком.

Серрано дослушал сообщение до конца, с каждым словом тараща глаза все больше. Когда запись закончилась, к линии снова подключилась Ванда Бреммер:

– Детектив? Вы еще там?

– Еще здесь. – Руки у Серрано дрожали.

– Ты в порядке, Джон? – поинтересовалась Талли.

– У вас есть файл этого звонка, чтобы переслать на мой сотовый? – спросил Серрано у Бреммер. – Пришлите на этот номер.

И продиктовал.

– Высылаю, – сказала она.

Получив файл, Серрано повернулся к Гектору Морено:

– Вы оба должны это услышать. Гектор, мне нужно знать, корректно ли то, что говорит звонящий, с медицинской точки зрения.

Нажав на воспроизведение, Серрано включил динамик телефона. Все трое выслушали запись в молчании. Наконец Морено резюмировал:

– Мне нужно подтвердить расчеты, но, они сойдутся, звонивший прав. Констанс Райт никак не могла совершить самоубийство.

Глава 6

– Моя бывшая жена – бешеная сука.

«Значит, вот как пройдет сегодняшней вечер», – подумала Рейчел.

Мужчину, сидевшего по ту сторону стола, звали Адам... как-то там. Фамилию не запомнила. А он вообще ее называл? Сослуживец спросил, может ли пристроить Рейчел приятеля, и вопреки здравому смыслу она согласилась. Пока что вечер намечается лишь чуть менее болезненным, чем удаление зубного нерва без анестезии.

Адаму под пятьдесят, разведен, имеет троих детей-старшекласников и бывшую, живущую на другом конце города, в районе Эдгартаун, с новым мужем. Пересадку волос ему провели скверно, прическа больше напоминает кукольную, чем человеческую, а налитые кровью глаза и сосудистая сетка на носу выдают серьезные проблемы с выпивкой. Нижняя губа постоянно недовольно выпячена, словно он отведал неожиданно холодный суп.

Сослуживцу придется усердно замаливать этот грех с подставой.

Месяцами друзья и подруги давят на Рейчел, чтобы она «вернулась на поле», будто она бейсболист, носящийся со своей травмой. Да, ей одиноко. В ее жизни есть Эрик и Меган, но она бы солгала, сказав, будто по ночам не тоскует

по теплому телу, уютно свернувшись рядом, по человеку, с которым можно посмотреть кино, поговорить о вещах, не имеющих отношения к столицам штатов и радужным туалетным единорогам. По человеческим прикосновениям, которых ей отчаянно недостает.

Но едва сказав пять слов, Адам успел доказать, что ему это место не занять.

И что теперь? Они еще даже не заказали. Рейчел подрядила няню еще на два часа, и если переступит порог дома на полтора часа раньше срока, то будет чувствовать себя несчастнейшим человеком на свете.

И решила сцепить зубы и терпеть. Не из-за шансика, что Адам еще может спасти свидание, а потому, что в этом ресторане фантастическая карта вин и лучшее каре ягненка в Эш-би, и будь ей пусто, если она лишит себя хорошей трапезы. Можно отключиться от него и просто насладиться ужином.

– Ты слышала, что я сказал? – спросил Адам.

– М-м-хм-м, – отреагировала Рейчел. – Какое восхитительное вино!

– У тебя отличный вкус в вине. И, надо думать, отличный вкус в мужчинах, раз ты тут со мной.

Порядком отхлебнув бордо, Рейчел изобразила фальшивую улыбку.

– Ты что-нибудь планировала на потом? – поинтересовался Адам. Язык у него начал заплетаться. Должно быть, принял для разминки перед свиданием.

– Планы? Так, посмотрим... у меня дома двое детей, ня-ня-подросток и три корзины белья, которое само себя не стирает. Так что нет. Клубные тусовки в моем вечернем маршруте не значатся.

– А если, скажем, ты чуть-чуть припозднишься? Твоя ня-ня ведь не будет возражать, правда? Можешь подкинуть ей парочку баксов сверх счетчика.

– Уточните, насколько чуть-чуть.

– Ну... до завтрашнего позднего утра?

Фыркнув, Адам рассмеялся. Потом протянул руку через стол, чтобы накрыть ею ладонь Рейчел. Она мгновенно рассчитала силу, необходимую, чтобы проткнуть его пястную кость столовой вилкой.

Но вместо этого убрала руку со стола, опустив ее на бедро. Адам хихикнул, будто высмеивая ее реакцию.

– Знаете, – проговорила она, – я передумала. Пожалуй, я могла бы пойти...

– Рейчел Марин?

Рейчел подняла взгляд. Рядом с их столом стоял высокий мужчина с темно-каштановыми волосами, седеющими на висках, и очень серьезным выражением лица. Она узнала его сразу же. Рядом с ним стояла чернокожая женщина ростом пять футов и дюймов шесть, и ее лицо красноречиво гласило: «Если думаешь, что с ним шутки плохи, только попробуй тронуть меня».

Оба держали жетоны департамента полиции Эшби.

– Я Рейчел Марин, – ответила Рейчел. – Или правильнее: Рейчел Марин – это я? Чем могу помочь?

Адам поглядел на копов, потом на Рейчел, а потом опять на копов.

– Послушайте, офицеры, – изрек Адам, – я помню про алименты в этом месяце. Спросите Лизетт, хотя эта сука ни за что не признается, что использует мои деньги на выплату ипотеки своего нового мудилы-мужа.

Копы уделили ему ноль внимания.

– Миз Марин, я детектив Серрано из департамента полиции Эшби. Это моя напарница детектив Талли. Мы бы хотели перекинуться с вами парой слов.

– Можно спросить, по какому поводу?

– Не думаю, что вы захотите беседовать об этом здесь, – уклончиво ответила Талли.

– Извините, я что-то прозевал? – встрял Адам.

«Могу поспорить, ты то и дело задаешь этот вопрос», – подумала Рейчел.

– Прошу прощения, сэр, – отрезал Серрано, – но нам надо поговорить с миз Марин. С глазу на глаз.

– Вы до сих пор не ответили на мой вопрос, – стояла на своем Рейчел.

Адам насупился на Серрано, рассердившись, что его лишили верного шанса. Серрано нахмурился в ответ. Детективу хмурый вид удался лучше. Адам потупился, уставившись на носки своих туфель. Рейчел это порадовало.

Серрано снова повернулся к ней:

– Нам надо спросить вас о торгово-развлекательном центре в окрестностях Пеории рядом с шоссе Ай-семьдесят четыре.

Сердце Рейчел забилося чаще. «Раньше, чем я рассчитывала».

– Послушайте, Магнум¹⁶, – подал голос Адам, – мы едва приступили к ужину. Не можете же вы просто войти сюда и...

Не дав ему договорить, Рейчел покинула кресло.

– За вино, – швырнула она на стол двадцатидолларовую купюру.

– Шутишь? – опешил он. – Я заплатил за номер в отеле!

– А я за няньку, – парировала она. – Похоже, мы оба выкинули деньги на ветер.

Когда все вышли на улицу, Рейчел сказала:

– Ладно, детективы. Я должна задать первый вопрос. Как вы нашли меня столь чертовски быстро?

¹⁶ Отсылка к популярному сериалу о частном детективе Томасе Магнуме.

Глава 7

Рейчел, Серрано и Талли сидели в угловой кабинке закусочной «Старберст» рядом с Веджвуд-Лейн. Перед Рейчел стояла нетронутая чашка кофе темной обжарки. Талли лакомилась порцией картошки фри, а Серрано уже прикончил рогалик со сливочным сыром и луком-шалотом.

– Вы осознаете, что только что позавтракали? – кивнула Рейчел на тарелку Серрано. – Это блюдо для завтрака. А сейчас восемь вечера. Когда же вы едите десерт – в семь утра?

Серрано пропустил реплику мимо ушей. Достав свой содовый телефон, положил его на столик между собой и Рейчел. Открыв файл под названием «Звонок 911 – Альбертсон», переключил телефон на громкий режим и включил воспроизведение. Послышался компьютерный голос.

«Это сообщение для детектива Серрано из департамента полиции Эшби. По поводу трупа, найденного на мосту Альбертсона вчера ночью. Он должен знать, что это не самоубийство. Я знаю, что личность жертвы прессе не раскрывали, но это Констанс Райт. Констанс Райт была убита. И я могу доказать. Продолжайте слушать, и я объясню. Пожалуйста, перешлите эту запись детективу Серрано целиком.»

Учитывая то, где именно тело Констанс Райт обна-

ружено у подножия моста Альбертсона, математически невозможно, чтобы она умерла по собственной воле.

Пешеходная дорожка на мосту Альбертсона находится в ста пятидесяти двух футах от поверхности реки, исходя из текущего уровня воды – или, в данном случае, льда. С такой высоты при свободном падении с пешеходной дорожки тело достигнет поверхности за время от пяти с половиной секунд до пяти целых шести десятых, набирая скорость по мере падения, и ударится о лед на скорости приблизительно сто двадцать две целых девять десятых мили в час.

В предполагаемый момент смерти, точно определить который без тщательного медицинского обследования невозможно, ветер дул с северо-востока со скоростью около одиннадцати миль в час. Не столь уж незначительный ветер.

Согласно видео и фотографиям места преступления, тело Райт найдено в восемнадцати футах от моста. Если высоту моста принять за ось игрек, а расстояние тела от моста за ось икс, тогда полное расстояние, которое тело преодолело, составляет чуть более ста пятидесяти трех футов.

Учитывая то, что тело найдено на западной стороне от моста, в восемнадцати футах от основания, а ветер дул с северо-востока на юго-запад со скоростью одиннадцать миль в час, математически невозможно, чтобы тело приземлилось на место окончательного пребывания по соб-

ственной воле. Чтобы сделать это, жертве пришлось бы буквально прыгать с разбега. Пешеходная дорожка на мосту Альбертсона имеет одинаковую ширину в три фута по всей длине – места явно недостаточно, чтобы набрать кинетическую энергию, необходимую для преодоления расстояния в восемнадцать футов от основания, прыгая при ветре одиннадцать миль в час.

Существует только один способ, чтобы тело с такой высоты достигло такого расстояния по оси икс при таком ветре, – импульс. А единственный способ набрать такой импульс – воздействие силы.

Короче говоря, Констанс Райт сбросили с пешеходной дорожки моста Альбертсона. У меня нет сомнений, что ваши судмедэксперты придут к такому же выводу.

Удачи, детектив».

Звонок закончился. Серрано убрал телефон в карман. Рейчел так и сидела. Потом сделала глоток кофе. Еще один.

– На моем телефоне Сири¹⁷ явно так не умеет, – произнесла Рейчел.

– Это ведь вы на пленке, не так ли, миз Марин? – ответил Серрано.

– Мне говорили, что голос у меня низкий, но тем не менее...

– Миз Марин!

¹⁷ Сири – голосовой помощник в операционных системах компании «Эппл».

Допив кофе, Рейчел отодвинула чашку.

– Могли бы хотя бы пивом меня угостить. Если я приду домой и не буду ни капельки под хмельком, нянька подумает, что мое свидание было очковтирательством. Каковым оно и было. Впрочем, это не по теме. Как вы меня нашли?

– Вопросы задаем мы, – отрезал Серрано. – Почему вы сказали, что жертва – Констанс Райт?

– Потому что это она, – не смутилась Рейчел. – Никто из вас этого не опроверг. И глядя на ваши лица, я вижу, что это правда.

– Личность жертвы общественности не оглашалась.

– Я не «общественность».

– Миз Марин, семью жертвы еще не уведомили. Если была какая-то утечка...

– Не тревожьтесь, я ни словом никому не обмолвилась. Я могла бы позвонить прессе, но позвонила вам. Что же до того, как я узнала, что это Констанс Райт, скажем просто: это сведения личного характера.

– Ладно, миз Марин, – сказала Талли. – Экстренная служба отследила звонок до таксофона возле центра под Пеорией. Разумеется, распознавание голоса пошло прахом благодаря вашему представлению а-ля робот. Так что мы прокатились туда.

– На телефоне пригодных отпечатков не обнаружилось, – подхватил Серрано, – что и неудивительно: посреди зимы люди ходят в перчатках. Но мы нашли следы дезинфициру-

ющей салфетки, словно кто-то протер телефон, прежде чем им воспользоваться. Мы также нашли несколько волокон, налипших на дезинфицирующее средство. Шерсть бежевого цвета. Можно взглянуть на ваши перчатки, миз Марин?

Рейчел не шелохнулась.

– Звонок поступил в семь сорок две сегодня утром, – продолжал Серрано. – Ресторан мистера Чоу рядом с этим таксофоном был закрыт. Найти каких-либо свидетелей там не посчастливилось. Зато контора «Наличные средства» по соседству была открыта. К сожалению, обзор с камеры наблюдения внутри конторы на таксофон загорожен.

– Но мы поговорили с владельцем, – вступила Талли. – Мистер Гюнтер Даунс сообщил нам, что шуганул группу подростков, гонявших на скейтах на улице как раз примерно во время звонка. Мистер Даунс также сообщил нам, что ребяташки записывали, как вытворяют трюки, и те же самые ребяташки являются туда каждое утро последние пару недель. Правду говоря, они там бывают настолько часто, что он знает их поименно.

– Мы сопоставили эти имена с адресами по соседству, – принял эстафету Серрано, – ведь ребята сидят по домам из-за зимних каникул и все они возвращаются домой на скейтах или пешком, а не на машинах, – и нашли режиссера-любителя, снимающего их трюки. К счастью для нас, все видео-записи по-прежнему находились в его сотовом телефоне. К еще большему счастью для нас, камера на целых две секунды

захватила того, кто пользовался таксофоном. Лица не видно, зато видно, что он или она носит толстые бежевые перчатки. Объектив также без помех захватил несколько автомобилей на стоянке. Мы прогнали все номера, и только один из них зарегистрирован на жителя Эшби.

Нацелив палец на Рейчел, Серрано нажал воображаемый спусковой крючок.

– Мы отправились к вам домой, – поведала Талли. – Девушка по имени Лизль Шиллинг сказала, что вы на свидании, и сообщила, где вас можно найти.

– Мы также можем истребовать данные джи-пи-эс-трекинга с вашего телефона, – присовокупил Серрано, – и привязать вас к этому ТРЦ в момент, когда поступил звонок. Но, по-моему, это не требуется. Во всяком случае, пока.

Рейчел вяло похлопала в ладоши:

– Основательная работа, детективы. К сожалению, теперь моя нянька определенно в курсе, что сегодняшнее свидание – липа.

– Нижайшие извинения, что сгубили ваш вечер с прекрасным принцем, – проговорила Талли.

– С ужасным свином, – откликнулась Рейчел.

Ни один из детективов не отреагировал.

– Боже, ну и трудная публика эти копы. Как бы там ни было, вы спасли мне два часа жизни, вернуть которые я бы не смогла. Ну что ж, на секундочку предположим, что на ленте мой голос. Почему я здесь? Звонить на девять-один-один не

преступление.

– Нет, не преступление, – согласился Серрано. – И если вам тут не по душе, можем доставить вас обратно к ужасному свину.

– Нет! – Рейчел схватила Серрано за запястье. Он ожег ее взглядом, и Рейчел убрала руку. – Я только хочу помочь. Я знаю, что Констанс Райт не совершала самоубийства. Я *знаю* это. Как вы знаете собственное лицо. Я уверена на сто процентов.

– Исходя из расчетов на записи? – осведомилась Талли. – Мы попросим судмедэксперта проверить, правы вы или нет.

– Он уже проверил, – парировала Рейчел. – Иначе вас бы тут не было.

Серрано и Талли не проронили ни слова.

– Позвольте задать один вопрос, – продолжила Рейчел. – На Констанс была обувь на высоком каблуке? Или нет?

– На высоком, – помявшись, сообщил Серрано.

– Могу поспорить, ее сумочку тоже не нашли.

Серрано и Талли переглянулись.

– Почему вы это сказали? – поинтересовалась Талли.

– Женщина уходит из дома без сумочки, предположительно, чтобы свести счеты с жизнью. Решает, что там, куда она отправляется, кошелек, ключи и кредитные карты ей не понадобятся. Одна наедине с судьбой. Раз она все продумала *настолько* далеко вперед – с какой такой нежданной радости надевает высокие каблуки при восьмидюймовом снеге

и одиннадцатимильном ветре? Готова поспорить, она недавно еще и ухаживала за собой. Выбрила ноги. Может, маникюр-педикюр.

– Да кто вы такая? – не утерпел Серрано.

– Рейчел Марин. Мать двух детей. Секретарь юриста. К вашим услугам.

– Но откуда вы все это знаете? Почему секретарю юриста известна скорость падения человеческого тела? Или что обувь на высоких каблуках на жертве может свидетельствовать об убийстве?

– Я много смотрю «Закон и порядок». Оливия Бенсон¹⁸ – мое тотемное животное.

– Хватит пороть чушь, – осадил Серрано. – Вы могли бы прийти в участок и попросить разговора со мной. Вы заставили нас гоняться за вами не без причины.

Рейчел устремила взгляд на дно своей чашки:

– Кто-то однажды сказал мне, что я должна сделать выбор. Я могу помогать людям или просто жить своей жизнью. Однажды я сделала неправильный выбор и поклялась, что больше так не поступлю. Констанс Райт была убита. И ее убийца хотел, чтобы мы поверили, будто она покончила с собой. Задумайтесь над этим. У нее отняли жизнь и хотели, чтобы ее и похоронили с позором. Это не просто хладнокровие. Это

¹⁸ Оливия Бенсон – нью-йоркская полицейская, главная героиня ответвления сериальной франшизы «Закон и порядок» с подзаголовком «Специальный корпус».

зверство. Я знаю о ее бывшем. Ее семье. Исках. Но наверняка были и люди, любившие ее.

Рейчел вдруг вскинула голову.

– Вот, – указала она на Серрано. – У вас губа чуть скривилась, когда я сказала, что были и люди, любившие ее.

– Вовсе нет, – заспорил Серрано.

– Когда я сказала, что были и люди, любившие ее... это задело за живое. Расскажите почему.

– По-моему, вы забываете о том факте, что вы гражданское лицо, миз Марин, – отрезал Серрано. – У вас нет законных полномочий. Мы не обязаны отвечать ни на какие ваши вопросы.

Рейчел внимательно посмотрела на Серрано:

– Она была беременна. Не так ли?

– *Довольно!* – вскинулась Талли, вставая из-за стола. – Миз Марин, вы не участвуете в этом расследовании. Но если когда-нибудь дойдет до суда, вас могут попросить выступить свидетелем. Если ваши расчеты верны, они могут помочь нам доказать, каким образом умерла жертва.

– Не *если* они верны, детектив, – поправила Рейчел. – Они просто верны.

– И *если* это было убийством, – продолжала Талли, – *мы* привлечем виновного к ответственности.

Детектив Серрано тоже встал и бросил на стол тридцать долларов.

– Допивайте свой кофе. Если еще чувствуете жажду, ку-

дите себе пива. Еще раз просим простить, что испортили вам свидание. Спасибо, что уделили время, миз Марин.

Детективы покинули закусочную. Допив остатки кофе, Рейчел схватила сумочку и последовала за ними. Автостоянка блестела от гололеда, и Рейчел на каблуках пришлось идти предельно осторожно.

– Скажите мне еще кое-что! – крикнула Рейчел вслед Серрано и Талли, направлявшимся к своей коричневой «Краун Виктория».

– Ступайте домой, миз Марин, – отозвался Серрано.

– Она была пьяна? – крикнула Рейчел. И заметила, что Серрано, доставая ключи от машины, сбился с шага.

– А что? – любопытствовала Талли.

– Назовите это наитием. А по вашей заминке я могу сказать, что была. Какой уровень алкоголя был у нее в крови?

– Миз Марин, – начала Талли, – это не подлежит оглас...

– Ноль сорок три, – ответил Серрано. Талли обожгла его взглядом.

– Безумно высокое, – подытожила Рейчел. – При ноль трех ее речь, равновесие и координация были бы сильно расстроены, и она могла потерять сознание. Для женщины ее телосложения двигательные навыки должны были пострадать, а частота сердечных сокращений и дыхания должна была замедлиться до опасного уровня. При ноль четырех она была бы неспособна даже добраться до моста, где уж там броситься с него. На вашем месте я бы проверила ее зубы.

– Зубы? – не поняла Талли.

– Надо посмотреть, нет ли сколов на зубах, скорее всего на передних, на резцах. Они будут выглядеть будто расколотый кубик льда. Зубы, сломавшиеся от падения, превратились бы в пыль, как растоптанный кренделек. А я говорю о куда более аккуратном сколе.

– Почему... – начал было Серрано, но тут же прикусил язык.

– Потому что такой уровень алкоголя плюс подобные повреждения зубов указывают, что спиртное в нее вливали силком незадолго до смерти. Возможно, продолжали вливать его ей в горло и после того, как она потеряла сознание. Кому-то требовалась железная гарантия, что Райт будет в полном беспмятстве, но не хотелось, чтобы при анализе на токсины возникли вопросы из-за транквилизаторов или наркотиков. Плюс излишек алкоголя должен подкрепить гипотезу о самоубийстве. Но тот, кто убил ее, перестарался. Убийство преднамеренное. И тщательно спланированное.

Выражение глаз Серрано при взгляде на Талли подтвердило подозрение Рейчел, что они нашли такой расколотый зуб при медицинском обследовании.

Детективы сели в машину. Трусцой подбежав к пассажирской двери, где сидел Серрано, Рейчел заметила экземпляр «Братства кольца» в бумажной обложке.

– Мой сын обожает эти книжки, – указала она на томик. – Чуть ли не говорит по-орочьи.

Серрано ответил улыбкой – искренней и широкой, чем выбил Рейчел из колеи.

– Мой тоже, – сказал он. Талли поглядела на Серрано с намеком на замешательство. Рейчел перехватила хвостик чего-то разыгравшегося между ними.

А затем они уехали.

Сотовый телефон чирикнул о поступлении сообщения. Достав телефон, она посмотрела сообщение. От Адама.

Прощаю. Даю еще шанс, но только потому что ты

Далее следовал эмодзи огня.

Застонав, Рейчел сунула телефон обратно в сумочку, забралась в свой автомобиль и направилась домой, внезапно ощутив страстное желание обнять детей.

Глава 8

ТРИ ГОДА НАЗАД

Стук в дверь заставил Рейчел повернуть голову в сторону дробовика, запертого в сейфе ее спальни. Менее чем за секунду пульс от частоты покоя в пятьдесят восемь ударов в минуту подскочил почти до восьмидесяти.

Она стояла в кухне с пакетом продуктов в руке, застыв в ожидании. Стук повторился. Осторожно опустив пакет, Рейчел мгновенно прикинула, сколько времени потребуется, чтобы взять детей, схватить дробовик и сбежать.

Крадучись двинулась вдоль стены кухни, подбираясь к окну с видом на переднюю дверь. Гость оказался женщиной. Лица не видно, но пульс Рейчел вернулся к норме. Среди *её* последователей ни одной женщины, насколько известно ФБР. Скорее всего, просто местная кумушка. Соседка, пришедшая выказать им радушие Эшби с фруктовым пирогом и приглашением на следующее собрание родительского комитета.

«Просто гостья», – сказала она себе. Плюс всего пять часов. На дворе еще светло. Эта женщина не пытается ничего скрыть. Но просто на всякий случай Рейчел сунула в задний карман джинсов ножницы.

– Мам? – окликнул Эрик из своей комнаты. В голосе сквозили тревога и страх. Рейчел могла бы пересчитать всех, кто

стучался в дверь с момента их переезда в Эшби, по пальцам на одной руке. Может, хватило бы даже одного пальца.

– Все в порядке, зайка, – спокойным, ровным тоном отозвалась она. Скорее для него, чем для себя. – Все под контролем.

Выглянув из-за края шторы, Рейчел увидела, что женщина на крыльце одна. Лет под сорок, подтянутая, каштановые волосы собраны в аккуратный пучок, щеки чуть подрумянены. Одета в серый блейзер поверх белой блузки и черной юбки. На шее стильные жемчужные бусы, а бриллиантовые серьги невелики, но элегантны. Осанка безупречная, выражение лица спокойное и приятное. Рейчел решила, что она то ли свидетельница Иеговы, то ли продает косметику или товары для дома.

Сделав вдох, Рейчел положила левую ладонь на рукоятку ножниц и открыла дверь правой. Улыбка женщины стала шире.

– Миз Марин, – протянула она руку, – рада познакомиться. Меня зовут Констанс Райт. Я мэр Эшби. – Она продемонстрировала бутылку вина, обернутую в желтую бумагу. – Шардоне с виноградника моего отца.

Рейчел приняла вино, стиснув зубы. Ей ровным счетом ничего не известно ни о политике, ни о подноготной этой женщины. По правде говоря, ее и не интересует ничего, кроме выживания. Но зачем-то ведь мэр явилась к Рейчел на порог?

– Рейчел, – представилась она. – Рада познакомиться, мисс мэр. Или миссис мэр. Или миз Райт. Как мне вас называть?

Райт искренне рассмеялась:

– Зовите меня Констанс. Можно войти?

Мгновение поколебавшись, Рейчел жестом пригласила Райт в дом. Сняв туфли, мэр аккуратно поставила их у входной двери.

– Новое покрытие, – сказала она, потянув носом воздух. – Не хочу, чтобы ваши ковры пахли, как предвыборная гонка.

– А как именно пахнет предвыборная гонка? – поинтересовалась Рейчел.

– Деньгами и лицемерием, – с озорной улыбкой ответила Райт, озираясь по сторонам. – У вас очаровательный дом.

– Если когда-нибудь закончим распаковываться, то будет, – рассмеялась Рейчел.

– Не торопитесь. Хотя шардоне прекрасно сочетается с распаковкой.

– Значит, вы здесь ради... – осторожно произнесла Рейчел, – выборов?

– Нет-нет. Хотя и стараюсь знакомиться со всеми избирателями, я знаю, что ваша семья в Эшби недавно, и... ну, просто хотела познакомиться и поглядеть, как вы устроились.

Послышались мягкие приближающиеся шаги, и они обе обернулись к лестнице. Эрик стоял на верхней площадке, ухватившись за перила с такой силой, что костяшки побеле-

ли.

– Эрик, верно ведь?

Эрик кивнул.

«Откуда она знает?» – Рейчел снова потянулась к ножницам.

– Что ж, Эрик, меня зовут Констанс, я просто зашла поглядеть, как устроилась ваша семья. Тебе здесь пока нравится?

Эрик чуть заметно кивнул, впившись взглядом в Констанс Райт.

– Констанс – мэр, – пояснила Рейчел. Эрик вытаращил глаза, но рта не раскрыл. А потом вернулся к себе в комнату.

– И если я права, то у вас есть и совсем маленький ребенок. Меган, верно?

Рейчел кивнула.

– Сколько ей лет?

– Четыре. У вас есть дети, мэ... Констанс?

– Пока нет. Но когда-нибудь, если нам с Николасом повезет... – Райт улыбнулась, но Рейчел уловила нотки печали. Что-то подсказало Рейчел, что вопрос задел за живое. Мэру хочется завести детей, но то ли бесплодие, то ли не расположенный к этому супруг, то ли еще что-нибудь этому препятствует.

– Могу я вас чем-нибудь угостить? Кофе или чай? – Мысленно Рейчел взмолилась, чтобы та отказалась.

– Нет, спасибо, – улыбнулась Райт. – Пытаюсь сократить

потребление кофеина.

– Что ж, тогда спасибо, что зашли, Констанс. – Рейчел посмотрела на дверь, уповая, что до Райт дойдет.

– Конечно. Двое детей, могу представить, насколько вам недосуг. – Райт направилась обратно к передней двери. – Как я сказала, мне очень важно познакомиться с избирателями.

– Что ж, теперь мы познакомились.

– Да, познакомились, – кивнула Райт. – Вы знаете, что у нас есть общий друг?

– Разве?

– Джим Франклин. Во «Франклин и Розато» в Дариене.

Частота пульса Рейчел взмыла выше сотни ударов в минуту. Вдоль хребта пробежали мурашки. Тело оцепенело.

– Не тревожьтесь, – мягко сказала Констанс. – На самом деле как раз наоборот. Истинная причина моего сегодняшнего прихода – дать вам знать, что здесь вы в безопасности.

– Простите?

– Джим Франклин связался с оперативным отделом ФБР в Спрингфилде несколько месяцев назад. Этот отдел контролирует западную часть штата, включающую Эшби. ФБР уведомило меня, как только вы подали заявку на покупку этого дома.

– Я... не знаю, что и сказать.

– Вам не надо ничего говорить. В Эшби мы защищаем своих. Я знаю, что довелось испытать вашей семье. Ресурсы моей администрации к вашим услугам. И если вам ко-

гда-нибудь понадобится что-нибудь... *что угодно*... звоните на мой личный сотовый.

Райт вручила Рейчел свою карточку. Рейчел взяла ее трясущейся рукой. Номер был от руки написан черными чернилами на обороте.

Губы Рейчел дрожали. В уголок глаза набежала слеза.

Положив ладони на плечи Рейчел, Райт мягко сжала их.

– Вам здесь понравится. И знаете, что я вам скажу... У меня через пару недель назревает благотворительный прием в Райнбек-холле. От вас мне не нужно ни пенни. Но это замечательный способ познакомиться с людьми. Стать частью общины. У меня есть ощущение, что вам это пойдет во благо. Выпить пару бокалов. Посмеяться разок-другой. Есть повод принарядиться. Моя администрация сообщит вам подробности.

– С-с... спасибо, миз Райт.

– Констанс, – поправила та, открывая дверь. – Мои наилучшие пожелания Эрику и Меган. Им повезло, что у них такая мама.

– Спасибо, – повторила Рейчел и тут обратила внимание на руку Райт. – Очаровательный перстень.

Констанс подняла левую руку с указательным пальцем, украшенным серебряным перстнем с большим топазом.

– Отец подарил мне его, когда я вышла замуж. Сказал, что кольцо Николаса – знак любви, а это знак семьи. Когда они оба на мне, я чувствую себя полноценной.

- Оно шикарное.
- Спасибо. Берегите себя, миз Марин.
- Зовите меня Рейчел.
- Надеюсь, скоро увидимся, Рейчел, – тепло улыбнулась

Констанс.

И ушла.

Как только дверь захлопнулась, Рейчел всхлипнула всей грудью и утерла глаза.

Проводила взглядом Констанс Райт, забравшуюся в серебристый «Мерседес» С-класса. Опустив стекло, Райт помахала Рейчел, ослепительно блеснув топазом в лучах весеннего солнца.

Глава 9

ТЕПЕРЬ

– Как свидание? – поинтересовалась Лизль, широко распахнув глаза, с наивной улыбкой старшеклассницы, почти наверняка уверенной, что каждое первое свидание кончается свадьбой.

– Очень неожиданно, – ответила Рейчел.

Лизль хихикнула, потерла ладонь о ладонь и испустила такой звук «и-и-и-и!», что едва стекла не полопались. Поблагодарив нянюку, Рейчел дала ей десять долларов сверху и направилась напрямиком в комнату Эрика. Обхватила сына руками, напугав его. Эрик попытался вывернуться, но потом, учитывая, что обоим известно, кто из двоих сильнее, просто дал довести начатое до конца.

– Закончила?

– Да, – ответила Рейчел. – Порой мамам просто нужны объятия.

– Ну, ты их получила. Теперь дай мне позаниматься.

Рейчел поцеловала сына в щеку, прежде чем он успел шикнуть, и пошла в комнату Меган.

Ее прекрасная дочурка спала. По полу была раскидана куча листков – продолжение повествования о Сейди-разведчице. Рейчел отвела спутанные волосы ото рта Меган и бережно положила ладонь на грудь дочери, ощутив, как та с каж-

дым вздохом вздымается и опадает.

Эрик после рождения провел в реанимации шестьдесят четыре дня, прежде чем врачи разрешили забрать его домой. Шесть недель он питался через трубку, введенную в желудок через стенку брюшной полости, пока не набрался достаточно сил, чтобы питаться самостоятельно. Шрам на животе Эрика виден до сих пор. Едва заметный, но он служит Рейчел напоминанием, каким хрупким он был когда-то. Когда его принесли домой, Рейчел сидела у его колыбельки каждую ночь в течение шести месяцев, чтобы просто следить, дышит ли он. Подносила к его носику зеркальце для макияжа и, затаив дыхание, ждала, когда оно затуманится.

С Меган было легко. Она родилась на два дня позже срока, весом ошеломительных девять фунтов семь унций. Отличалась образцовым здоровьем с первого же дня.

Идеальная дочь. Идеальный сын. Счастливый брак. Семья была как полная чаша.

А всего полгода спустя все пошло прахом. Четыре идеальные жизни были погублены в один беспощадный миг.

Изверги существуют. Эту истину Рейчел принудили усвоить горькой ценой. И та заставила ее усвоить самый трудный, самый ценный урок в жизни.

Полагайся только на себя.

А теперь прямо здесь, в Эшби, этом сонном маленьком городке, поднял голову другой изверг. Констанс Райт мертва. Почему – Рейчел неизвестно. Пока.

После визита Констанс Райт к ней домой Рейчел разузнала о семействе Райт все, что могла. Они были для Эшби своего рода королевской династией, и их фамилия была практически синонимом города. Некогда.

Годами фамилию Райт навешивали на школы, библиотеки и больничные отделения. Но затем эти респектабельные заведения все как одно умыли руки, отрешиваясь от Райтов, стирая их фамилию со стен и памятных досок. Денежные пожертвования семейства они, разумеется, оставили себе.

Дед Констанс, Юджин Райт, родился в Эшби и основал корпорацию «Райт Девелопмент», разрабатывавшую жилищные проекты для среднего класса по всему Среднему Западу. Отец Констанс, Камерон, пустил деньги, заработанные Юджином, в ход на Уолл-стрит, чтобы обзавестись могучими связями в правительстве и финансовых кругах. Они уверенно шли к тому, чтобы стать кланом Кеннеди Среднего Запада.

Констанс окончила Гарвард со степенью по политологии, затем Йельскую школу права, прежде чем вернуться на родину и добиться поста в городском совете всего в двадцать девять лет. Четыре года спустя она стала мэром при поддержке кампании на 4 миллиона долларов, по большей части профинансированной коллегами семьи по строительному бизнесу. Один лишь Луис Магурски из «Магурски Констракшен» потратил полмиллиона, чтобы заполнить эфир рекламой с нападками на действующего мэра, шестидесятивосьмилетнего

бедолагу Рэндолла Макговерна, обладающего лысиной и харизмой утюга, в подметки не годившегося Констанс ни по трудолюбию, ни по энтузиазму, ни по юмору, ни по глубине карманов.

Констанс была молодой. Умной. Привлекательной. Идеалистичной. Забавной. Страстной. Искренней. И устремленной к величию.

Мэр Райт. Губернатор Райт. Сенатор Райт. И дальше. Эш-би был идеальным местом, чтобы Констанс отточила свои политические коготки. В конце концов, не так уж давно мэр небольшого городка на Аляске не дотянула до Белого дома на волосок.

Но во время второго срока Констанс, примерно за год до ее визита к Рейчел, Американский союз защиты гражданских свобод подал иск против корпорации «Райт Девелопмент». Шестеро чернокожих работников заявили, что Юджин Райт регулярно использовал расистскую лексику в их присутствии, а вскоре вслед за тем семь женщин выступили с заявлениями о сексуальных домогательствах. Имелись и записи. Так Юджин Райт был погублен.

Урегулирование иска во внесудебном порядке обошлось в миллионы, Юджин Райт перенес удар, а компанию спустили по дешевке компании-застройщику, поглотившей активы корпорации и вычеркнувшей ее название.

А в скором времени Камерона Райта арестовали в Южном Бронксе в постели малолетней проститутки. Мать Констанс,

Кэндис, надумавшая обчистить его при разводе, обнаружила лишь восьмизначные долги корпорации «Райт Девелопмент» десяткам поставщиков. Одна лишь «Магурски Констракшен» явила взгляду прореху в 6 миллионов долларов, «Цвинтер Электрик» – 3 миллиона. Кредиторы расклевывали остатки, как стервятники свежий труп.

Камерон Райт повесился в тюрьме. Кэндис Райт погибла в автокатастрофе год спустя. Ведущие кабельных новостей фонтанировали теориями заговора по поводу их смертей.

Перед скандалами рейтинг популярности Констанс Райт колебался ближе к семидесяти. Но грязь полетела во все стороны. А потом все усугубилось.

В начале второго срока Райт ее муж Николас Драммонд обвинил ее в неверности. «Эшби Булетин» напечатал непристойные тексты, фото и электронные письма, которые она, по всей видимости, посылала двадцатидвухлетнему сотруднику аппарата по имени Сэм Уикершем. Райт яростно отрицала какую бы то ни было связь, но не могла объяснить обилие посланий. Твердила, что ее подставили. Защитников у нее было раз-два и обчелся. Рейчел следила за скандалом по новостям – издали.

Уикершем также утверждал, что собственными глазами видел Райт пьяной во время совещаний муниципалитета, а когда репортер из «Булетин» нашел в ее корзине для бумаг пустую бутылку от «Джим Бима» и фото крамольной бутылки раскинулось на целый разворот, Райт отвергла обвинения

в пьянстве, но к тому времени это уже не имело значения.

Ее политическая карьера рухнула, а брак взорвался через считанные недели.

Драммонд при разводе обчистил Райт, а вскоре за тем снова женился на молодой женщине по имени Изабель Роблс с трастовым фондом, которому позавидовал бы даже Скрудж Макдак. Констанс Райт с политической сцены сошла. Время от времени ее замечали с тележкой для покупок в продуктовом магазине или сидящей в одиночестве с пакетом драже в кино. Но Констанс Райт, устремленной к величию, не стало.

Констанс была сильна и умна, наделена связями, властью и средствами, располагала всеми преимуществами, какие только могли пригодиться. У нее было все. И ничто не спасло ни ее репутацию, ни ее жизнь.

Когда Рейчел перебралась в Эшби, Констанс Райт выказала свою доброту. А потом ее жизнь разодрали в клочья на глазах у Рейчел, сидевшей и не рыпавшейся. Она верила Констанс, но молчала в тряпочку. Но изверги, безудержно рыщущие по окрестностям, встали у нее поперек горла.

Уж она позаботится, чтобы виновные расплатились за смерть Констанс.

Глава 10

Новость о смерти Констанс Райт обрушилась на Эшби, как бомба, и ударная волна раскатилась далеко и широко.

Первую полосу «Эшби Булетин» увенчал заголовок «ПРОЩАЙТЕ, МИЗ МЭР». На сайте «Чикаго Трибьюн» значилось «ГИБЕЛЬ ДИНАСТИИ». Свои съемочные группы на пресс-конференцию полиции отправили ведущие кабельные каналы. Пошли слухи, что смерть Констанс Райт считают насильственной. Зимний ветер начал разносить сплетни о подозреваемых и заговорах. В трауре прежние прегрешения Констанс Райт были прощены и забыты городом. По меньшей мере на день.

Рейчел следила за утренними новостями, как прикованная, не отрывая взгляда от экрана ноутбука с прямой трансляцией. Дети могли бы размахивать вокруг самурайскими мечами или красить кухню плавленным сыром, а она бы и бровью не повела.

Вести пресс-конференцию от имени департамента полиции Эшби в этот день поручили лейтенанту Дэрилу Джорджу. К лейтенанту Джорджу присоединятся детективы Джон Серрано и Лесли Талли. Они проинформируют СМИ о смерти Констанс Райт и ведущемся расследовании, выслушают вопросы собравшихся репортеров и ответят на них – по большей части увертками и оговорками.

Рейчел не понаслышке знала, что убийцы зачастую наслаждаются лицемерием последствий своих деяний. Им нравится своими глазами видеть посеянную ими пагубу. Есть приличный шанс, что убийца Констанс Райт будет смотреть пресс-конференцию. «Руководство по классификации преступлений» ФБР делит убийства на три группы: организованные, неорганизованные и смешанные. Организованные убийцы планируют свои преступления. Они вдумчивы, но беспощадны. Неорганизованные убийцы зачастую совершают преступление из-за страсти или неконтролируемого порыва. Этот убийца был организованным. Он – или она – должен гордиться своей работой. Откуда следует, что Рейчел нужно быть на пресс-конференции.

Информацию о выдающейся жертве наподобие Констанс Райт будут держать в секрете. Полагаться на жалкие крохи, которые будут скармливать прессе в час по чайной ложке, для Рейчел – роскошь непозволительная, и, хотя Серрано и Талли выглядят компетентными, ее уже водили за нос, и Рейчел до сих пор не избавилась от недоверия к органам правопорядка. Придется установить истину самостоятельно.

– Мам!

Рейчел резко обернулась, едва не расплескав кофе по всей клавиатуре ноутбука.

– Что тебе, зайка?

– Ты была отрешенная? – полюбопытствовала Меган, вприпрыжку спускаясь по лестнице.

– Где ты узнала это слово?

– Миз Вустер в классе сказала Алеку Тайтусу, что он отрешенный, потому что он играл в «Кэнди краш»¹⁹ на своем сотовом телефоне.

– У Алека Тайтуса есть сотовый телефон? Ему же только семь!

Меган кивнула:

– Значит... можно мне...

– Ни за что. Мне бы не хотелось, чтобы ты стала *отрешенной*.

Меган с обиженным сопением удалилась в школьный автобус.

По лестнице спустился Эрик в наушниках. Рейчел жестом попросила сына снять их. Он закатил глаза, но послушался.

Оглядев сына с головы до ног, она сказала:

– Небраска.

– Линкольн.

– Невада.

– Карсон-Сити.

– Ладно, умник. Япония.

Вопрос поставил Эрика в тупик:

– Другие страны мы еще не проходили.

– Ладно, Дуги Хаузер²⁰, другие страны отложим на потом.

¹⁹ «Кэнди краш» (англ. Candy Crush) – игра из серии «собери три в ряд», одна из самых скачиваемых мобильных игр в мире.

²⁰ Дуги Хаузер – главный герой американского медицинского ситкома «Доктор

– Кто такой Дуги Хаузер?

– Не важно. Хорошего дня, пареньь.

Хотела было поцеловать сына, но он, увернувшись, выско-
чил за дверь.

Рейчел проводила взглядом Эрика, зашагавшего вдоль квартала, ссутулившись и сунув руки в карманы. Когда он был ребенком, он был так беззаботен, уверен в себе и радостен. Таким она не видела Эрика давным-давно. Почти семь лет. Ну, хотя бы больше не просыпается с криком.

Рейчел переступила порог адвокатской конторы «Руджеро и Барнс» в 8:57. Дожидаясь прихода Стива Руджеро, Рейчел поглощала все, что могла найти о смерти Констанс Райт и ее жизни, прежде чем та оборвалась у подножия моста Альбертсона.

Прочесывая старые интервью и профили Констанс Райт, Рейчел узнала, что та познакомилась с Николасом Гарольдом Драммондом в Гарварде, где он занимался эстафетным бегом. После колледжа они ненадолго расстались, потом снова сошлись и поженились в возрасте двадцати восьми лет, прежде чем переехать в Эшби. А на будущий год она завоевала пост в муниципальном совете Эшби.

Рейчел переключилась на сайт «Эшби Булетин». На главной странице бок о бок красовались три фото:

1) Констанс Райт на выпускном в гимназии Эшби, луча-

щаяся тысячеваттной улыбкой, с золотыми кистями, болтающимися на красной академической шапочке, из-за рыжевато-каштановых кудрей выглядящая совсем юной.

2) Констанс Райт и Николас Драммонд, стоящие перед общежитием Эпли-Корт в первый год учебы в Гарварде великолепным, золотым весенним днем. Они сунули руки друг другу в задние карманы. Невыносимо милая пара.

3) Констанс в муниципалитете приносит присягу после провозглашения ее семьдесят девятым и самым юным мэром в истории Эшби. Улыбающийся Николас Драммонд стоит позади. Подпись гласит: «Первое семейство Эшби».

Рейчел вгляделась в улыбку Николаса. Выглядит чуточку чересчур широкой, малость натужной. Улыбка мужчины, которому не по нутру, что жена его затмила.

Рейчел продолжила чтение, и кровь у нее взбурлила. Когда Стив Руджеро наконец почтил контору своим присутствием в 11:00 утра, Рейчел чуть не набросилась на него за то, что нарушил ее сосредоточенность. Стащив ботинки, он швырнул их в коридор, забрызгав слякотью ноги Рейчел.

– Придержи мои звонки; справишься? – бросил он и захлопнул дверь, даже не дав Рейчел времени ответить. Достав салфетку, она вытерла грязь с одежды.

Послышался щелчок запираемого замка. Рейчел повидала Стива в скверном расположении духа невесть сколько раз, но ни разу не потрудилась поинтересоваться причиной. Пока у нее есть медицинская страховка и налоги выплачивает

работодатель, ей наплевать, даже если Стив Руджеро вбежит с пылающими волосами. Работа ей претит, а в деньгах она определенно не нуждается, но, если будет жить как неработающая мать-одиночка, это начнет возбуждать вопросы.

Минуту спустя послышался крик Стива. Потом, в 11:30, в его кабинет вошли четверо партнеров. Следующие два с половиной часа они орали друг на друга, после чего партнеры удалились. Мужчины. Вечно думают, что проблемы можно решить, рывкнув погромче.

Потом Стив вышел и сказал:

– Я на обед. Могу вернуться сегодня, могу и нет. Просто перенеси мои остальные звонки. Справишься?

– Сделаю все возможное, – мило улыбнувшись, поведала Рейчел.

Если бы взглядом можно было испепелить, останки Стива уместились бы в баночке от тунца.

Кивнув, он ретировался с таким проворством, словно бо-
ялся, что мировые запасы «Грей Гуз»²¹ на исходе.

Как только Стив удалился, Рейчел вывела на экран сайт департамента полиции Эшби.

Пресс-конференция состоится в Бауман-холле мэрии в центре Эшби. Назвали Бауман-холл в честь Филипа Баумана – пятьдесят шестого мэра Эшби, под началом которого проводилось строительство моста Альбертсона. И, словно желая подкинуть горсть соли в рану, после отставки Констанс Райт

²¹ «Грей Гуз» (англ. «Серый гусь») – элитная французская водка.

заместитель мэра Алан Колдуэлл заключил контракт на 15 миллионов долларов с «Магурски Констракшен», уже прибравшей к рукам миллионы семейства Райт, на ремонт и реконструкцию моста, устои которого начали ржаветь.

Начало запланировано на три часа дня. Рейчел посмотрела на часы: 14:03. Успеть можно. Схватив пальто, она покинула контору быстро и без лишнего шума.

* * *

Детективы Серрано и Талли стояли в фойе Бауман-холла, готовясь предстать перед толпой. Бауман – большое четырехэтажное здание из красного песчаника со сводчатыми окнами и кирпичной лестницей, ведущей к четырем ионическим колоннам высотой в два этажа. Доборные элементы, некогда блиставшие девственным цветом меди, со временем обросли зеленой патиной. Перед Бауманом дожидалась такая фаланга репортеров, какой Серрано не доводилось видеть за все время службы – десятки камер и репортеров, фургончики и спутниковые ретрансляторы, да вдобавок орда зевак, отгороженная канатами. Кроме местных новостных бригад, Серрано увидел передвижные студии CNN, MSNBC, «Фокс ньюс» и NBC. Смерть Констанс Райт – новость государственного масштаба.

Лейтенант Дэрил Джордж откроет конференцию и кратко изложит факты дела, после чего уступит слово Серрано.

но и Талли. Лейтенанту Джорджу уже пятьдесят девять, но выглядит он на тридцать девять, за что сорокатрехлетний Серрано, выглядящий на пятьдесят три, тихо его ненавидит. Джордж просыпается в 4:30 шесть дней в неделю, проплывает пятьдесят кругов в олимпийском бассейне местного оздоровительного клуба, не пьет и ест только пищу, произведенную непосредственно на земле или животными. Серрано подшучивает, что лейтенант Джордж ест только мясо животных, выращенных на специальных органических курортах, где они играют в сквош и получают массаж горячими камнями, попивая комбучу²² и кокосовую воду.

Лейтенант Джордж пригласил Серрано поработать с ним однажды утром несколько лет назад. Серрано, несколько лет прикладывавшийся к бутылке не в меру усердно, согласился, решив, что настало время дать себе пинка, чтобы прийти в форму. Встретился с лейтенантом в его оздоровительном клубе, втиснулся в старые плавки, пятнадцать фунтов назад сидевшие куда лучше. Десять кругов спустя Серрано был почти уверен, что умрет. Двадцать кругов спустя пожалел, что не умер.

А в раздевалке ему пришлось узреть Джорджа во всей красе – рельеф мышц у того оказался совсем не такой, какой причитается в пятьдесят с хвостиком. Натянув майку, лейтенант щедрой рукой оросил себя одеколоном «Ив Сен-

²² Комбуча – западное название напитка из чайного гриба, заимствованное из японского.

Лоран».

Этим одеколоном Джордж пользуется каждый окаянный день, и Серрано чувствует его приближение за квартал. Все в этом человеке строго по уставу, но за его решимостью таится доброта. Он срубил хорошие деньги, работая техническим консультантом одного из сериалов о копах, где каждый детектив демонстрирует безупречную прическу и макияж. Серрано регулярно отрабатывает шестнадцатичасовые вахты, и всего лака для волос и пудры на свете не хватит, чтобы сделать его презентабельным для телевидения. Джордж водит голубую «Шеви Камаро», которую полицейские у него за спиной называют «Смурфмобилем»²³. Но коп он хороший. Тридцать пять лет в рядах. И Серрано готов ринуться за ним в бой в любой день недели.

Подойдя к панорамному окну, Серрано поглядел на Теллифэйр-Грин – шестиакровый парк у Бауман-холла, сейчас укрытый толстым снежным одеялом. Местных телевизионщиков Серрано сразу отличил по одежде. Одеты в толстые вязаные перчатки, лохматые шарфы и пуховики. Иногородние выряжены в пальто «Барберри» и тонкие перчатки, стильно выглядящие на экране, но греющие не лучше туалетной бумаги. И непрерывно нарезают круги вокруг своих новостных фургонов, чтобы не околеть, а местные спокойно ждут начала.

²³ Отсылка к смурфам – голубым гномам, созданным бельгийским художником П. Кюллинфором (Пейо).

– Тут уже сумасшедший дом, – сказал лейтенант Джордж. – Следить за этим следствием будут очень пристально. Категорически недопустимо выносить сор из избы. После сегодняшнего, чтобы никто не разговаривал со СМИ, пока я не дал добро.

– Без утечек из департамента не обойдется, – возразила Талли. – Взять хоть новостные фургоны у моста минувшей ночью. Кто-то в департаменте им настучал.

Джордж со вздохом кивнул:

– Разбираюсь с подобным уже двадцать лет. Вот почему поток критически важной информации должен кончаться на нас троих.

– По рукам, – заявил Серрано.

– Констанс Райт была хорошей женщиной, – добавил лейтенант Джордж. – Она была хорошим мэром. СМИ обожают скандалы. Но если забыть обо всем таблоидном дерьме, она поддерживала департамент, давая нам все необходимые ресурсы. В рядах у нее были друзья.

– У семейства Констанс Райт больше врагов, чем у Юлия Цезаря, – указал Серрано. – Масса могущественных людей потеряла кучу денег, когда корпорация Райтов всплыла брюхом кверху.

– А раз все члены семьи Констанс либо мертвы, либо дискредитированы, все долги перешли к ней, – глядя на лейтенанта Джорджа, дрожащим от гнева и укоризны голосом проговорила Талли. – Почему же мы не сделали больше? Ес-

ли у нее были друзья в рядах, где мы были?

– Прошу прощения? – приподнял брови Джордж.

– Вы же сами сказали, – ответила Талли. – Она давала нам все, в чем мы нуждались. Всегда прикрывала департаменту спину. А мы ей спину прикрыли? Мы хоть раз послали патрульную машину проверить, как она там, когда город обратился против нее? Как бы не так. И она выскользнула, как песок между пальцами. А ведь мы могли подхватить ее, лейтенант.

Лейтенант Джордж не обронил ни слова, но понурил голову.

– Не все в рядах были такими уж фанатами Констанс Райт, – заметил Серрано.

– Если вы не можете не подмешивать сюда личные обиды, детектив, – отрезал Джордж, – с радостью перепоручу следствие.

– Приложу все силы, сэр, – ответил Серрано. Джордж настороженно кивнул.

Телефон Серрано завибрировал. Достав его, детектив проверил почтовый ящик.

– Мы получили записи телефонных звонков Райт, – сообщил вслух. Открыв файл, быстро пробежал его взглядом, высматривая последнюю партию звонков и сообщений. И выдохнул: – Ни фиги себе!

– Что там? – осведомился Джордж.

– Угадайте, кому двоим последним Констанс Райт звони-

ла перед смертью.

Все выжидательно застыли. Наконец Талли не выдержала:

– Ты и в самом деле хочешь, чтобы мы пустились в догадки, да? Тогда Брэду Питту и Дженнифер Энистон.

– Почти. Николасу Драммонду и Сэмюэлу Дж. Уикершему.

– Ну ни хрена себе! – проговорила Талли. – Бывший муж и парнишка, с которым у нее была интрижка? Это почище моей догадки. Какого черта ей звонить им? Драммонд – еще куда ни шло. Бывший муж, всегда бывают проблемы, которые надо перетереть. Налоги и всякое такое. Но Уикершем? Он же ее погубил.

– Полагаю, нам надо потолковать с мистерами Драммондом и Уикершемом, – заключил Серрано, показывая Талли протоколы звонков. – Смотри, оба звонка длились всего по паре секунд. Откуда следует, что она либо дала отбой, либо не оставила сообщения.

Лейтенант Джордж задумчиво потрогал подбородок:

– Придержите это от прессы, пока не узнаем побольше.

– Я бы поверила в самоубийство, даже глазом не моргнув, – поведала Талли. – Ее жизнь разрушена, она по стопам Дж. Д. Сэлинджера подается в отшельники. А вот беременность... до сих пор как-то в голове не укладывается.

– Если бы не эта Марин, – добавил Серрано, – мы могли бы просто списать это как самоубийство.

– По-моему, Марин просто повезло, – заявила Талли.

– Я бы это везением не назвал, – возразил Серрано. – Педикюр, зуб и прочее можно было списать как косвенные улики. А еще она знала, что это Констанс Райт, еще до того, как это предали огласке. На траекторию с учетом ветра и скорость падения Гектор внимания не обратил. Как и Монтроз с Бином.

– Она штатская, – отрубил Талли. – То есть никто.

– Наболтались? – перебил их лейтенант Джордж. – Готовы?

– По-моему, я там видела Андерсона Купера²⁴, – заметила Талли.

– Правда? – приободрился Серрано.

– Нет.

– Иногда ты такая жопа, Лесли.

Та с улыбкой поклонилась.

– Что ж, начнем клоунаду, – сказал лейтенант Джордж.

Стоило им распахнуть двери Бауман-холла, как хлесткий ветер впился им в лица. Стиснув зубы, лейтенант Джордж направился к подиуму. Серьезность ситуации отпечаталась у него на лице. Серрано и Талли прикрывали Джорджа с обоих флангов. День выдался ясный, ни облачка. От бликов солнца на снегу разглядеть толпу было трудновато. Серрано сложил руки на животе. На своей первой пресс-конференции двенадцать лет назад он сцепил руки за спиной, думая, что это

²⁴ Андерсон Хейз Купер (р. 1967) – известный американский журналист и телеведущий, один из основных ведущих на CNN.

придаст ему стоический вид. Но после лейтенант Джордж поведал, что вид был такой, будто ему приспичило по малой нужде.

Так что с того дня и впредь – руки перед собой.

Все ждали, пока лейтенант Джордж отрегулирует микрофон. Серрано уже давал пресс-конференции. Но не такие. И не по поводу настолько известных людей. Он еще ни разу не видел, чтобы журналистский корпус так притих в страхе упустить хоть слово.

Ветер дул с востока на запад, из-за чего Серрано приходилось обонять едкий аромат одеколona лейтенанта с каждым вздохом. И даже на ветру тот благоухал, как французский бордель.

– Спасибо, что пришли, – начал лейтенант Джордж. – В час тринадцать ночи одиннадцатого декабря диспетчер девять-один-один принял звонок о том, что у подножия моста Альбертсона лежит тело. После подтверждения смерти на место происшествия прибыла команда криминалистов департамента полиции Эшби вкупе с детективами Джоном Серрано и Лесли Талли, где обнаружила тело бывшего мэра Констанс Райт. Согласно данным предварительной криминалистической экспертизы, миз Райт скончалась приблизительно за два часа до поступления звонка. Мы искренне соболезнуем родным и друзьям мэра Райт. Она была любимым членом нашей общины, истинным слугой народа, женщиной, посвятившей свою жизнь Эшби. Она любила этот город

преданно и страстно, и нам горестно говорить о ее кончине в столь раннем возрасте. На данный момент мы считаем, что смерть Констанс Райт наступила не вследствие несчастного случая.

– Она была убита? Или это суицид? – выкрикнул один из репортеров. Серрано устремил на него испепеляющий взгляд. Не местный.

– А сейчас, – не смутился Джордж, – я уступаю микрофон детективам, расследующим причины гибели миз Райт, Джону Серрано и Лесли Талли. Они ответят на все ваши вопросы, но помните, что следствие еще ведется. Дальнейшие сведения мы предадим гласности в надлежащее время. Детективы, вам слово.

Лейтенант Джордж отступил назад, а Серрано и Талли поднялись на подиум. Первой взяла слово Талли:

– Исходя из местонахождения тела вкупе с другими сопутствующими обстоятельствами, мы смогли быстро определить, что миз Райт не могла намеренно убить себя. Мы ведем следствие, исходя из предположения, что миз Райт стала жертвой убийства.

По толпе прокатился ропот.

– Кто ее убил? – выкрикнул один из репортеров.

– Бывший муж?

– У вас есть подозреваемые?

– Прошу тишины, – строго осаждала Талли.

Серрано узнал Нэнси Уайлс – ведущую «Канала 14». Ми-

ла. Блондинка. Серрано одно время западал на нее. Месяцев шесть назад она интервьюировала его для материала о серии краж в проектах жилой застройки компании «Вутен», и, как только камеры прекратили запись, он попросил номер ее телефона. Улыбнувшись, она назвала ему офисный коммутатор. Серрано отправился домой и одолел упаковку пива в одиночку.

– В данный момент, – вступил Серрано, – мы собираем улики.

– Значит, подозреваемых у вас нет, – с деланным нетерпением возгласила Уайлс.

– Арестов мы пока не проводили, – парировал Серрано.

– Боб Филлипс, WPRD. Что привело вас к заключению, что смерть мэра Райт наступила вследствие убийства?

– Местонахождение тела не соответствовало естественному, без посторонней помощи, падению с высоты моста Альбертсона, учитывая погодные условия в ту ночь.

– Это единственная причина?

– Нет, не единственная. Имеются и другие факторы, но больше ничего мы в настоящее время обсуждать не можем.

– Грейс Мейерсон, TNN. Как вы полагаете, смерть миз Райт как-то связана со скандалами семейства Райт? Как вам известно, у Юджина и Камерона Райтов имелись многочисленные юридические, личные и финансовые проблемы.

– Мы не исключаем никаких возможностей и рассматриваем их все, – ответила Талли. – Включая и людей, имеющих

отношение к делам семейства Райт.

Серрано продолжал парировать вопросы уклончивыми и расплывчатыми ответами. Для скабрёзных заголовков хватит, но больше ни для чего. В ближайшие дни коммутатор департамента будет дымиться от звонков добровольных информаторов, утверждающих, что они либо были свидетелями смерти Констанс Райт, либо располагают информацией, способной помочь следствию, либо убили Констанс Райт самолично (не исключено, что в сообщничестве со снежным человеком или Ли Харви Освальдом²⁵).

Так что чем меньше информации Серрано даст прессе, тем лучше. Так будет проще отсеять чокнутых и любопытных. Не говоря уж о социопатах, донимающих копов высосанными из пальца сведениями и постыщих записи разговоров в «Ютубе» на посмешище. Требуется невероятное количество человеческих ресурсов, чтобы отбраковать эти звонки в надежде получить хотя бы один, который окажется дороже фианита²⁶.

На самом деле Серрано уже не мог дожидаться окончания. СМИ могут быть полезным союзником, когда речь заходит

²⁵ Ли Харви Освальд (1939–1963) – бывший морской пехотинец, схваченный как подозреваемый в убийстве президента Джона Ф. Кеннеди и застреленный в самом начале расследования; официально объявлен единственным возможным убийцей Кеннеди, действовавшим в одиночку.

²⁶ Фианит – искусственно получаемая двуокись циркония, используемая для имитации драгоценных камней; имеется в виду надежда отыскать по-настоящему ценную информацию, подлинный драгоценный камень среди суррогатов.

о выслеживании опрометчивых и/или глупых преступников. Способных ограбить заправку, не надев маски, чтобы скрыть татуировку на лице. Или обобрать старушку в подъезде прямо перед камерой, а потом горделиво слоняться по окрестностям, будто пуп земли. В подобных случаях представители департамента полиции Эшби с фотороботом опрашивают соседей, и чаще всего диспетчерская получает нужное правдивое сообщение через считанные часы.

Здесь вряд ли тот случай. Констанс Райт оказалась на мосту Альбертсона в ту ночь отнюдь не случайно. Она не подвернулась под руку какому-то бандиту. Все было спланировано заранее. Серрано знал Констанс Райт. Она была в хорошей форме, ходила на тренировки по кикбоксингу, пока была на посту. Он ни разу не видел ее пьяной или не в себе. Во время предвыборной борьбы перед первым сроком пресса прозвала ее Констанс-кровопускательница. Она могла дать отпор. И драться без правил, если потребуется.

И все же обследование Гектора Морено не выявило никаких признаков борьбы. Никаких следов борьбы. Никаких ушибов, кроме полученных при падении с моста. А вот ногти... После отставки с поста Констанс редко видели на людях, но свежий педикюр означает, что она хотела выглядеть хорошо. То ли для себя, то ли для кого-то другого.

И зуб.

Челюсть сломалась при падении, и большинство зубов либо расшатались, либо вылетели. Четырех не досчитались –

предположительно, ушли под лед. Но третий моляр слева оказался сколот. Не разбит. Как кубик льда с отбитым углом. В точности как предположила Рейчел Марин.

Содержание алкоголя в крови Констанс Райт было ошеломительно высоким. И Серрано был вполне уверен, что хоть часть этого алкоголя она употребила не по своей воле, скорее всего, в бессознательном состоянии. Иначе сопротивлялась бы. И были бы следы борьбы.

Нет, спиртное в Констанс влили насильно, считал Серрано. А расколотый зуб означает, что убийца – или убийцы – не стоял на твердой почве, когда вливал его. Возможно, они ехали. Из-за рывка бутылка – или голова Констанс – подпрыгнула, и бутылка стукнула по зубу достаточно сильно, чтобы отколоть кусочек.

Рейчел он об этом не упомянул, но криминалисты нашли одну-единственную капсулу витаминов для беременных, завалившуюся за комод в спальне Констанс Райт. Откуда следует не только то, что она хотела сохранить ребенка, но и то, что кто-то вычистил из ее квартиры все прочие признаки беременности, а потом вытер все начисто. И все это затем, чтобы выглядело, будто она не предпринимала никаких мер по сохранению ребенка, сделав гипотезу о самоубийстве более достоверной.

И все же... в доме никаких признаков борьбы. Ни крови, ни волос, ни волокон, принадлежащих кому бы то ни было, кроме Констанс. А значит, весьма велика вероятность, что

Констанс Райт знала своего убийцу.

Серрано и Талли продолжали отбиваться от вопросов. Солнечные блики стали ярче, и Серрано надел темные очки. Оглядел толпу.

И тогда увидел в загородке для прессы лицо, увидеть которое не ожидал.

Рейчел Марин. Застенчиво улыбнувшись, она сделала ему ручкой.

* * *

Рейчел приехала на пресс-конференцию за десять минут до начала. Полнейшее столпотворение – репортеры и зеваки локтями расталкивали друг друга, борясь за место в снегу, являя взору гигантскую пульсирующую массу индпошива, спандекса и геля для волос.

Все лучшие наблюдательные позиции оказались в зоне для прессы. Одну вещь Рейчел усвоила давным-давно: веди себя, как свой, и большинство примут тебя за своего.

Так что Рейчел просто поднырнула под ленту ограждения зоны для прессы и встала там, скрестив руки на груди, чтобы никто не заметил отсутствия у нее бейджика. Репортеры и съемочные группы были слишком заняты подготовкой и настройкой, чтобы обращать внимание. Рейчел бросила взгляд на телефон. Почти три пополудни. От Стива Руджеро ни слова. Если повезет, он даже не узнает о ее отлучке.

Наконец лейтенант Дэрил Джордж вышел из Бауман-холла в сопровождении детективов Серрано и Талли. Лица у них были мрачные. Серрано выглядел не в своей тарелке, сцепив руки перед собой и переминаясь с ноги на ногу. Рейчел уже встречала копов. Чересчур многих. Большинству не по нутру появляться на экране телевизора или в новостях. Они предпочитают анонимность, если только не имеют политических амбиций или мании величия. Серрано и Талли на таких не похожи.

Лейтенант Джордж произнес несколько теплых слов о Констанс Райт, после чего уступил место на трибуне Серрано и Талли.

Рейчел слушала внимательно. От ответов на большинство вопросов они уклонились, о специфике высказываясь довольно туманно. И неудивительно. Но Рейчел пришла не ответы слушать.

Реальной причиной была сама толпа. Зная славу и известность Райт, Рейчел понимала, что на мероприятие соберется целая толпа. И собралась. Не меньше тысячи человек, не считая нескольких сотен в зоне для прессы, чутко ловили каждое слово и толкались, чтобы приглядеться получше.

Рейчел нутром чуяла, что где-то в толпе находится лицо, знающее тайные подробности гибели Констанс Райт.

Пока говорила детектив Талли, Рейчел разглядывала Серрано. Не такой уж и урод. Выглядит малость перегоревшим и мог бы скинуть десяток фунтов, но почему-то Рейчел к

нему тянуло. Он побрил шею, отчего щетина на подбородке выглядела чуть опрятнее, но Рейчел видела пламенеющую алую полоску, где он порезался, прямо над кадыком. Брюшко, свисающее на ремень, – легко поправимо за пару месяцев в спортзале, сильная челюсть со стиснутыми зубами. Взгляд у Серрано добрый, но несколько затравленный. Интересно, из-за чего. В конце концов детектив надел темные очки, и Рейчел стала слушать.

Потом Серрано посмотрел прямо на нее, и прежде чем Рейчел догадалась отвернуться, он весьма отчетливо произнес одними губами два слова: «Какого черта?»

Улыбнувшись, Рейчел помахала ему ручкой, потому как что ж ей еще оставалось.

Серрано, явно выведенный из равновесия, отвел глаза.

Обернувшись, Рейчел принялась разглядывать толпу, переводя взгляд от лица к лицу, изучая каждое выражение глаз, высматривая трепет, кого-нибудь не в меру довольного пребыванием здесь, хоть какой-нибудь демаскирующий признак. Внимательно вглядывалась в каждую пару губ в поисках странной улыбки.

И вдруг прекратила поиски, увидев нечто особенное.

На снегу футях в двадцати позади последнего ряда зрителей одиноко стоял мужчина – сухопарый, чуть за двадцать, с темными кругами под налитыми кровью глазами, с проплешинами в черных волосах и бледной кожей; все это, по мнению Рейчел, свидетельствовало о наркотиках, ускоривших

процесс старения. Он грыз ноготь большого пальца на правой руке, как белка орех.

Мужчина вперился взглядом в говорившую Лесли Талли. С озабоченным видом. *Очень озабоченным.*

Рейчел уже видела этого мужчину.

Достав свой сотовый телефон, Рейчел нашла электронное письмо, отправленное себе самой, со скриншотами первоначального репортажа от моста Альбертсона, когда в погибшей еще не опознали Констанс Райт. Пролистала фото. Место преступления. Труп. Детектив Серрано. Чарльз Уиллмор. Толпа зевак, собравшихся на берегу реки Эшби.

И вот он. Тот самый, попавшийся ей на глаза сейчас. Он был на берегу реки в ночь гибели Констанс Райт, стоял в толпе зевак. А теперь он же здесь, на пресс-конференции по поводу ее смерти.

Что это за тип, черт возьми?

Открыв на сотовом телефоне приложение камеры, Рейчел сделала максимально возможный наезд. Потом медленно задвигалась вправо, пока не спряталась за дородным репортером с румяными щеками, что твои яблоки, источавшим запахом, будто пикантный сыр, завалившийся на солнце в пустыне. Навела камеру на субъекта и сделала несколько кадров – и фото, и видео.

Как только встреча завершилась, неизвестный сразу же зашагал прочь. Быстро.

Рейчел заколебалась, но лишь на миг. Можно было запро-

сто отправить фотки субъекта Серрано и Талли. Пусть *они* расследуют. Но в душе ее пылали решимость и гнев. Годы назад один убийца на глазах у Рейчел вышел сухим из воды. Рисковать, что это повторится, она не станет. Нужно выяснить, что это за человек.

Покинув Теллифэйр-Грин, тот направился на север, к Долки-авеню. Рейчел обругала себя за то, что не переобулась в сапожки на низком каблуке. На преследуемом были кроссовки, не обеспечивающие нужного сцепления на обледеневшем тротуаре. Дважды он, поскользнувшись, падал, позволив Рейчел угнаться за собой.

Дошел до остановки автобуса М-38 как раз через улицу от Квик-Парка на Долки, где Рейчел припарковала свою машину, заплатив за два часа вперед. Сверилась с телефоном. Ни слова от Стива из конторы. Надо последовать за этим типом.

Автобус М-38 стоял на холостом ходу в двух кварталах дальше по Долки. У Рейчел в запасе шестьдесят – девяносто секунд до его подхода. И если это произойдет, субъект улизнет.

Рейчел, спотыкаясь, припустила к Квик-Парку – дурацкие каблуки! – и завела двигатель, не сводя глаз с субъекта. Подождала, пока автобус минует въезд на стоянку, и выкатилась, оказавшись прямо позади него. И сильнее прижалась к правому бордюру, чем автобус, чтобы не терять остановку из виду. Видеть всех садящихся в автобус и сходящих с него. Увидев, что субъект сел на М-38, Рейчел последовала за ним

по Долки на восток.

Рейчел вела медленно, достаточно близко к автобусу, чтобы другие машины не втиснулись перед ней. М-38 останавливался каждые два квартала. На каждой остановке Рейчел с сильно бьющимся сердцем ждала, не сойдет ли субъект, зная, что М-38 следует по Долки-авеню до самых пригородов на востоке Эшби. Чем дольше преследуемый остается в автобусе, тем легче будет за ним проследить. Машин все меньше, жилья все больше. Вот если бы он вышел в центре города и пешком пошел в подземку, бы она пролетела. Ей ни за что не найти парковку достаточно оперативно, чтобы поспеть следом.

Остановку за остановкой он оставался в автобусе. Через заднее стекло виднелся его затылок и пара беспроводных наушников. Голова подергивалась в такт тому, что он слушал. Рейчел следила за его движениями. Похоже, выходить в ближайшее время он не собирается, но выглядит он и ненадежным, и импульсивным, так что нужен глаз да глаз.

Автобус ехал дальше на восток, пока не пересек Лансдейл-роуд, где большие административные и общественные здания уступают место компактным многоквартиркам, высота которых, согласно постановлению муниципалитета, не может превышать трех этажей. Со временем доехали и до пригорода. Дома с комнатами на разных уровнях, детишки, везущие на саночках по скользким тротуарам младших братьев, сестер или питомцев, голые деревья с ветвями, увешан-

ными сосульками.

Худощавый все балдел под свою музыку, в упор не видя, что один и тот же автомобиль тащится за автобусом уже многие мили.

Двадцать минут и шесть остановок спустя Рейчел увидела, что мужик вскинулся и огляделся. На миг она запаниковала. Может, прозевал свою остановку? Если он свернет назад, сев на автобус, следующий в обратном направлении, есть риск его упустить.

Встав, он нажал на желтую ленту²⁷, требуя остановки. Следующие несколько секунд Рейчел предстояло разыграть крайне аккуратно. Идя пешком, субъект может лучше осознавать, что творится вокруг. Машин на дороге немного, и каждая бросается в глаза.

Сойдя на следующей остановке, он, дрожа, минутку помешкал на тротуаре, будто пытаясь сориентироваться. Потом сунул наушники в карман куртки и направился на север по Ван-Брикл-Уэй.

Машин на дорогах немного. Если бы Рейчел медленно поехала следом, он бы непременно ее заметил. Так что она, остановившись у ближайшего бордюра, смотрела, как он ковыляет вдоль квартала. Не пройдя и двадцати футов, он споткнулся и крепко брякнулся. Видя его убогую моторику, Рейчел заключила, что он под действием какого-то лекар-

²⁷ В некоторых автобусах США используется желтая лента, функционально аналогичная кнопке, пущенная по облицовке.

ственного средства или наркотика – вероятно, опиоида, а то и психотропа, влияющего на центральную нервную систему и способного замедлить реакцию вплоть до шаткой походки.

Через некоторое время он свернул с Ван-Брикл на Валенсия-Лейн. Рейчел осторожно поехала следом. Они оказались в хорошем районе. Не так уж далеко от места жительства Реджинальда Бартека. Восточный Эшби по большей части представляет собой односемейные жилища, причем не из дешевых. На заснеженных дворах стояли шикарные внедорожники, многие дома прятались за коваными чугунными оградками.

Заметив, что в нескольких домах рядом с шикарными авто припаркованы седаны средних габаритов, Рейчел с учетом времени года заключила, что дешевые машины – подарки студентам, наведавшимся домой из колледжей на рождественские каникулы. В подобных районах родители дарят первокурсникам «Форд Фьюжн» за 22 тысячи долларов.

Среди величественных колониальных домов и коринфских колонн объект преследования Рейчел выглядел совершенно неуместно. Подъехав к бордюру, она припарковалась позади серебристого «Мерседеса GLS». Когда субъект оказался в сорока ярдах впереди по Валенсии, Рейчел выбралась из машины и застегнула молнию куртки. Влага дыхания на морозе конденсировалась облачком. Отсюда придется следовать за ним пешком.

Улицы в этом районе расчищены, но из-за наледи ходить

все равно опасно. Зимой на дорогах в окрестностях дома Рейчел снегоуборочные машины или разбрасыватели соли зачастую не появляются по несколько дней кряду. Муниципалитет Эшби явно отдает приоритет богатым пригородам. Рейчел шагала очень осторожно. Если поскользнется, он может заметить, и тогда игра закончена.

Хмурое небо потемнело, став серым, как цементный раствор. Рейчел уже начала думать, что преследовать его было скверной идеей. Но потом увидела, как субъект свернул направо, во двор, и задержалась на противоположной стороне улицы, наблюдая.

Он направился к большому викторианскому особняку высотой в три этажа с двенадцатью окнами по фасаду. Фасад каменный, веранда по всему периметру, портик с белыми колоннами. От трех до трех с половиной тысяч квадратных футов, прикинула Рейчел. Вероятно, тянет на все 4,2 миллиона с гаком. Вряд ли это его дом. Непохоже, чтобы он вообще был способен удержаться на работе, где уж там выплачивать солидную закладную.

Субъект медленно вскарабкался по ступеням крыльца и постучал в дверь. Рейчел переступила с ноги на ногу. Руки у нее замерзли, несмотря на толстые перчатки. Потерла ладонь о ладонь. Субъект собирался постучать снова, но не успел, потому что дверь распахнулась. На крыльцо вышли мужчина среднего возраста и молодая женщина.

На женщине был толстый кардиган, черные легинсы и

серьги-кольца. Волосы собраны в пучок. Под мешковатой кофтой угадывалась стройная фигура. Темные волосы, кожа цвета меда без единой морщинки, ноги в тонусе. На глаз лет двадцать шесть или семь. Мужчина куда старше – наверное, за сорок, но нужно взглянуть поближе, чтобы оценить наверняка. Слегка сутулится и кривится на каждом шагу. Проблемы со спиной – возможно, смещение диска.

Обняв субъекта, женщина привлекла его к себе. Он слегка приобнял ее, будто стыдясь. Старший стоял спиной к Рейчел, но по его реакции было видно, что он не одобряет то ли объятия, то ли вообще визит. Хлопнул тощого по спине, сказав что-то, – что именно, Рейчел не расслышала.

Нужно подобраться ближе. Нужно видеть их лица, сделать фото. Рейчел невозмутимо пересекла улицу, словно живет в этом районе. У въезда на участок достала телефон и открыла камеру. Пока что снимет на видео, чтобы попытаться расшифровать, о чем они говорили, когда придет домой.

Но едва собралась нажать на кнопку записи, как к викторианской дорожке подкатил автомобиль с номерами департамента полиции Эшби. Рейчел тотчас его узнала.

«Что ж, вот это уже интересно».

Все трое на крыльце обернулись поглядеть. Рейчел впервые увидела лицо старшего мужчины, и дыхание у нее перехватило.

Мужчина оказался Николасом Драммондом. Бывшим мужем Констанс Райт. Женщина, должно быть, его новая жена,

Изабель. Так кто же такой хиляк, черт побери?

Выбравшись из машины, детективы Джон Серрано и Лесли Талли направились к дому.

– Мистер Драммонд, – начал Серрано, – я детектив Джон Серрано из департамента полиции Эшби. Уделите мне пару минут вашего времени.

Затем Серрано обернулся, узрел Рейчел, стоящую у въезда, и выпучил глаза.

– Это еще что за шутки?! – долетели до Рейчел слова Талли.

Серрано стремительно зашагал к Рейчел, стоявшей на месте как вкопанная.

– Какого дьявола вы тут делаете? – склонившись к ней, ядовито прошипел он.

Глава 11

Не успела Рейчел ответить, как Николас Драммонд осторожно спустился по ступеням крыльца, чтобы подойти к детективам. Выйдя без пальто, в одной лишь тонкой фланелевой рубаше в красно-черную клетку поверх серой футболки, он скрестил руки на груди и весь поджался, чтобы было теплее. Дыхание клубилось перед ним туманным облачком. Вид у него был растерянный, страдальческий и раздраженный. Тощий вошел в дом. Изабель стояла на крыльце, устремив на них подозрительный взгляд сощуренных глаз.

Серрано дожидался ответа Рейчел. Они явно приехали допросить Драммонда о Констанс Райт. Он подозреваемый? Или просто собирают сведения?

– Мистер Драммонд, – сказала Талли, подходя к нему. Талли смерила Рейчел таким взглядом, словно собиралась скормить ее косяку пираний, – меня зовут детектив Талли. Это мой напарник детектив Серрано. Можем перекинуться парой слов?

– По поводу Констанс? – устало осведомился Драммонд.

– Именно, – подтвердил Серрано. – Но всего лишь обычные вопросы, чтобы попытаться составить картину ее жизни перед случившимся. Поставить точки над «i», знаете ли.

– Ага, обычные, – кивнул Драммонд, вряд ли поверив заверениям Серрано. – Послушайте, у моей жены выдался дол-

гий день. Ее брат Кристофер долго пропадал без вести, а он тот еще тип. У него были проблемы.

– Ваша жена? – переспросила Талли. – Изабель Роблс, правильно? Это ее брат только что вошел в дом?

– Сейчас она Изабель Драммонд, детектив. И да. Крисси, как зовет его Изабель. Словно он маленькая девочка.

– Родня со стороны жены бывает сущим наказанием, – заметила Талли со смехом, чтобы Драммонд расслабился. – Уж поверьте, я жената на женщине с тремя детьми, умеющими дергать за веревочки так, будто им за это платят. Мы вместе уже давно, и половину времени я до сих пор волнуюсь, как бы не сказать что-нибудь не то и не получить коленкой под зад.

Драммонд вяло усмехнулся, дрожа всем телом.

– Слушайте, я знаю, что жизнь у Криса была нелегкая, – сказал Драммонд. – Их отец был крупной шишкой от фармацевтики, и когда родителей достали похождения Криса, его просто выставили. Так что в подростковом возрасте Изабель по сути заменяла ему мать. Она его опора. Помогла взяться за ум, пыталась отучить от наркотиков. Но когда от тебя зависит кто-то настолько нестойкий, а уж тем паче живет с тобой, на браке это сказывается отнюдь не лучшим образом. А уж дружки Криса... скажем просто, у них на дороге лучше не вставать.

– Как это?

Драммонд бросил взгляд на входную дверь:

– Послушайте, детективы, на улице холодно, а мой радикулит зимой усугубляется. Вы не будете возражать, если...

– А вы не будете возражать, если мы зададим еще несколько вопросов в доме? – перехватила Талли.

Драммонд поколебался. Потом поглядел на Рейчел:

– А она кто?

Серрано открыл было рот, но, прежде чем успел вымолвить хоть слово, Рейчел его опередила:

– Рейчел Марин. Консультант-криминалист. Я помогаю департаменту полиции Эшби в деле об убийстве Райт. Детективы Серрано и Талли воспользовались в этом деле моей экспертной оценкой. Это официально.

И Серрано, и Талли воззрились на нее с почти нескрываемым гневом. Рейчел видела, что им приходится сдерживаться из последних сил, чтобы не оторвать ей голову напрочь. Но притом она понимала, что, если начать препирательства перед Драммондом, он может занервничать и проникнуться подозрениями. А копам он нужен спокойным и в идеале без адвоката. И Рейчел с радостью воспользовалась этой необходимостью к собственной выгоде.

– Это правда, – наконец сказал Серрано, хоть и скрипнув зубами. – Миз Марин неизменно подкидывает нам сюрпризы.

– Ага, как диарея, – буркнула Талли под нос.

– Ладно, – согласился Драммонд, – но давайте побыстрее.

Драммонд направился к дому. Рейчел последовала за ним,

но ощутила, как рука Серрано сжала ей локоть, заставив остановиться.

– После нам предстоит серьезный разговор.

– Да знаю, знаю. Арест, правильно? Может, отберете мой айпад на месяц?

– Это уголовное следствие, миз Марин, – вставила Талли. – Вы гражданское лицо. И если Драммонд это поймет, от иска вам не отвертеться.

– Я просто хочу знать, кто убил Констанс Райт, – заявила Рейчел. – Если бы не я, на ее гибель навесили бы ярлык самоубийства и забыли. Ее бы похоронили, а убийца преспокойно разгуливал бы по *вашим* улицам, детектив.

– Как ни противно признать, – вполголоса произнес Серрано, – но, если мы дадим ей от ворот поворот, это заставит Драммонда насторожиться. Неподходящее начало для допроса.

– И что, значит, она с нами? – в сердцах выдохнула Талли.

– Меньшее из двух зол, – смиренно кивнул Серрано.

– Черт побери, – буркнула Талли под нос и ущипнула себя за переносицу. – Ладно, миз Маринте. Пойдем с нами. Но вы будете только смотреть и слушать. И все. Хоть пикнете, и я отправлю вас домой на «Убере». Целой и невредимой, *если повезет*.

– Большого я и не прошу.

Рейчел вошла в дом, кожей чувствуя устремленные на нее взгляды. Просторная прихожая с чистыми мраморны-

ми полами в черно-белую шахматную клетку, выгнутой деревянной лестницей с коваными чугунными перилами и серо-коричневой ковровой дорожкой, ведущей на второй этаж, россыпью утопленных светильников по кремовому потолку и хрустальной люстрой, обильно увешанной бирюльками. Каждая арматурная финтифлюшка выглядела изготовленной на заказ, каждый прибор – тщательно отреставрированным и модернизированным. С учетом этой обстановки Рейчел пересмотрела свою первоначальную оценку до 4,5 миллиона долларов. Отчетливо понимая, что куплен он отнюдь не на деньги Драммонда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.